

Ален Грин

ТВОЯ
СУДЬБА,
ТВОИ
УРОКИ

ТВОЙ
ТЯЖКИЙ
ГРЕХ,
ТВОИ
ПОРОКИ

ТВОЯ
ДОРОГА,
ТВОЙ
ПРЕДЕЛ

УРОК

Часть I. Падение

18+

Ален Грин

Урок. Часть I. Падение

«Автор»

2026

Грин А.

Урок. Часть I. Падение / А. Грин — «Автор», 2026

Шая — обычный провинциальный город, в котором ничего не происходит, но вот появляется новый загадочный житель, и серая болотная вязь будней превращается в бездонный омут. Тайну чужой души следует раскрыть, но чтобы добраться до её глубин, придётся разбудить собственных демонов. Падение неизбежно. Кто уцелеет в борьбе с внутренним злом?

© Грин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Город и его жители	5
Предсказание	37
Волчонок	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ален Грин

Урок. Часть I. Падение

Город и его жители

Шая — город, в котором жили совершенно обычные люди. Руки, ноги, тело и голова — всё на месте, всё как у всех.

По форме Шая походила на неровный закруглённый прямоугольник с выемкой в нижнем правом углу. Центральная площадь состояла из административных зданий, где устраивали совещания представители городского совета и где располагались почта и полицейский штаб, церковь и дворец мэра.

Обычно дворец — резиденция монархов или высшей власти. Видимо, мэр Шаи, Томас Браун, смело себя к таковым причислял.

В свои тридцать восемь лет мэр выглядел молодо и подтянуто. Он был чуть выше среднего роста, имел худощавое строение тела, вытянутое прямоугольное лицо, длинный, тонкий нос с углублённой переносицей, прозрачный пушок над верхней губой, напоминающий усы, широкий, но низкий лоб, разделённые пробором чёрные волосы, которые он тщательно зачесывал назад за уши, едва заметные брови и серые продолговатые глаза с опущенными внешними уголками и высокими веками. Одевался он нарочито правильно, отчего выглядел слишком картинно.

Томас обожал находится в центре внимания, общаться с людьми и без усталости выполнять возложенную на него миссию. В шутку он называл себя близнецом Шаи.

— Через греческий и латынь я получил Арамейское имя «близнец» и, учитывая род деятельности, не могу не похвастаться тем, что могу назвать себя копией вверенного мне города, — говорил он чуть приподнимая подбородок. Его глаза при этом радостно блестели.

Что же из себя представлял дом? Английские традиции вперемешку с помпезностью, — вот, пожалуй, лучшая его характеристика, но стоит коснуться и описания.

Портик здания состоял из четырех белых колон и пилястров, капители и карнизы которых украшали резные цветы. Далее следовал обычный треугольный фронтон, украшенный гербом города и цитатой Аристотеля: «Мы то, что мы делаем. Совершенство — не действие, а привычка». Сам дом имел кирпичный фасад, высокие секционные и слуховые окна, эркеры и балконы, обрамлённые балюстрадой, несколько труб на крыше и большую двустворчатую дверь.

Когда Томас демонстрировал гостям дом, а делал он это каждый раз в независимости от того, кто и сколько раз к нему приходил, то он непременно засыпал визитеров непонятными архитектурными терминами. Например, колонны он величал коринфскими, а их элементы обозначал как фации, колокола, аканты, пояса и каннелюры. Ему казалось, что так и он сам, и дом выглядят представительнее. Гости же с умным видом потирали головы или усы, утвердительно кивали и, главное, молчали, чтобы случайно не сболтнуть чепухи. Но когда мэра спрашивали, что означает тот или иной термин, он замолкал на несколько секунд и потом с умным видом говорил:

— Я не смогу, как профессионал, объяснить всё слажено, а потому и пробовать не стану.

Ритм и темп жизни горожан редко нарушались, так как в этот отдалённый край редко кто наведывался. Дни шли за днями, часы за часами, минуты за минутами и ничего не менялось. В библиотеке пылились старые книги, в магазинах на полках лежали одни и те же товары, в административных зданиях царили тишина и покой, на центральной площади возле храма заунывно

пел местный забулдыга, зарабатывая себе на порцию алкогольного адреналина. Однообразие будней порождало в умах людей отупение. Нет движения — нет жизни.

Но именно тогда, когда мир кажется незыблемым, происходят всякие метаморфозы.

В один из серых дней на холме, с которого отлично просматривался город, показалась одинокая фигура. Долгое время она была недвижима, словно окаменевший идол, а потом исчезла так же внезапно, как появилась.

Именно в этот день и час началась новая глава в истории города, именно в этот момент у особняка Юлиад появился новый владелец.

На юго-восточной окраине города за пролеском у реки Узы расположился особняк Юлиад, который едва просматривался среди густой растительности: виднелось лишь три разные по размеру и диаметру башни и восточный угол, заросший плющом. За сорок лет дом обветшал. В забитых досками окнах зияли мрачные пустоты, в неотапливаемых комнатах вольготно гулял ветер, в наполненном влагой подвале поселились лягушки. Запустение просматривалось во всём. Сад зарос и одичал. Добротная дорога, которая когда-то вела к дому, походила на лесную тропу; вся в рытвинах она обильно поросла травой. Подсобные помещения просели, покосились и прогнили. Единственное, что осталось незыблемым, прочные стены и фундамент особняка, словно изначальный хозяин строил здание на века, слово у дома была душа, которая пыталась выжить.

При прежнем владельце Юлиад процветал, и всякий знал к нему дорогу, но после смерти Сиана Ариса особняк пришёл в запустение, и вскоре о нём просто забыли.

Нового владельца Юлиада звали Елай Лорса. Это был молодой мужчина двадцати шести лет. Его нельзя было назвать красивым, и в то же время он был красив. В чертах прослеживались и мягкость, и угловатость. Эта внешняя нестабильность особенно хорошо проявлялась во время смены настроения. В спокойном и благодушном состоянии на первый план вступали плавные линии, в раздраженном и гневном — резкие.

Роста он был выше среднего, сложение имел стройное и худощавое. Позы, которые принимал, когда стоял и сидел, отдавали изящностью. Чёрные доходившие до плеч волосы с едва уловимой волной стриг неровно и временами, когда думал, забирал назад.

Был внимателен к мелочам, но не мелочен. Одевался то просто и неброско, то дорого и со вкусом. И в том, и в другом случае, наряды отличались оригинальностью: воротники высокие и стойкие, с необычными отворотами, рукава чудные, манжеты двойные, элементы контрастные, часто вышитые.

Тёмно-карие глаза, в которых радужка и зрачок часто сливались, смотрели на мир с непоколебимой едва уловимой иронией. Окружающие часто не понимали, почему при совершенно нейтральном выражении лица создавалось ощущение, что собеседник улыбается. Но опасность для окружающих таилась не в проявляющейся ироничности, а в глубокой, непроглядной, туманной, чёрной мути зрачка, за которой легко угадывалась пронизательность. Елай не смотрел, а наблюдал, не слушал, а вникал.

Главным качеством мужчины было обаяние. Людей оно либо пленяло, либо смущало, либо удивляло, либо угнетало, либо пугало. С первых минут общения Елай захватывал внимание собеседника и не отпускал его до тех пор, пока не считал разговор оконченным. Временами он говорил вдумчиво и тихо, словно в это время размышлял о чём-то вечном и недосягаемом, временами высказывался резко, даже грубо, и при этом голос становился низким, мощным и глубоким. Если же Елай членил предложения и фразы или внезапно смолкал, то это значило, что беседа его либо утомила, либо взбесила, либо вконец ему наскучила.

В Елае легко угадывалась необъяснимая двойственность: плавные, почти тягучие движения сменялись резкими и порывистыми, ясный взгляд мутнел и приобретал непроницае-

мость, длинные красноречивые монологи обрывались, а на их месте появлялись рубленные обрывочные фразы. Но чем была вызвана эта полярность характера никто не знал и не понимал.

Что бы мужчина ни делал, его поступки вызывали интерес, так как часто были странными и необычными, иногда необъяснимыми. Мужчины сторонились Елайя, потому что не знали, о чём с ним разговаривать и как себя вести. Женщины, несмотря на опасность, стремились пробиться сквозь непроницаемую муть к сути. Для многих Елай был загадкой, которую хотелось разгадать.

На людях Елай показывался крайне редко, что возбуждало к его персоне ещё больший интерес: кто такой, чем живёт, что ценит, что любит, кого любит? Нескончаемый поток вопросов зарождался в головах людей, но чаще всего они оставались без ответов.

Итак, Юлиад перешёл к новому владельцу. Как только документы были оформлены и подписаны, особняк подвергли основательному ремонту, который шёл около полугода.

В течении этого времени хозяина Юлиада никто не видел (за работами следил Глей Одис — строгий дворецкий), хотя во всём ощущалось его незримо присутствие. Во-первых, по настоянию владельца, особняк ремонтировали исключительно шаинцы, во-вторых, все изменения в строении контролировались и, если допускались огрехи, с рабочих взымали штраф и требовали всё исправить, в-третьих, лишь хозяин мог внести в постройку кардинальные изменения. И такие изменения последовали, а за изменениями последовали бурные эмоции горожан. В частности, переполох вызвало желание хозяина завести в дом реку.

Первым об этом чуде рассказал семье столяр Рен Магир.

— Как это в дом? — изумлённо охали за столом жена и мать.

— Вот так! Рукав от Узы в сторону отвёл и напрямиком в дом направил, — делился впечатлениями Рен. — Вот подъезд, вот парадных вход, вот... Как там называется место, где людей принимают? Дай Бог памяти. — Мужчина почесал затылок. — Точно! Оранжерея! Вместо ковра — река! Мостков, чтобы перейти на другую сторону, нет. Как хочешь, так к дому и подплывай. Может, он паром с одного берега на другой пустит, — усмехнулся мужчина. — Этот малый либо большой выдумщик, либо чокнутый! — Рен разбавлял свой рассказ красноречивыми жестами, последним из которых был несколько раз повернутый у виска палец.

— Что верно, то верно! Разве нормальный человек эдакое учудит! — поддакивала жена.

— Это что ж выходит, в половодье дом затопит? — изумилась мать.

— Нет, — отозвался сын. — Он хоть чудак, да с головой. Во-первых, канал перекрыть можно. С двух сторон от дома построены плотины, которые при необходимости блокируют поток воды. Во-вторых, он целую систему прудов разработал. При половодье излишек воды в пруды утянет. В-третьих, основная часть дома на возвышении стоит. Чтобы туда попасть, по ступенькам подняться надо. Дай вспомню, сколько их там. — Мужчина в уме произвёл подсчёт. — Шесть высоких ступеней из камня. Камень красивый с прожилками. Мрамор.

— Ах, шельмец, хитёр и не скуп! — усмехнулась жена. — И откуда у человека столько денег?

— Кто его знает. Да и не важно, откуда. Платит, и ладно.

— И то верно, — в один голос согласились жена и мать.

Весть о странных замашках нового владельца со скоростью света облетела Шаю.

Прошло полгода и обновлённый Юлиад предстал перед горожанами.

Зная о радушном нраве прошлого владельца, местные аристократы ожидали приглашения на новоселье, но его не последовало. Более того, новый хозяин, как и прежде, на людях не показывался.

По городу поползли слухи, что владелец особняка — призрак или выдумка, ведь его никто никогда не видел. Прошло ещё два месяца, и про него просто забыли.

Идиллию Вои природа наградила эффектной холодной красотой. Девушка двадцати лет имела бледную кожу, которая светилась при определённом освещении, овальное лицо с высокими благородными скулами, большой открытый лоб, тёмно-зелёные глаза, которые обладали моховой бархатистостью, чёрные прямые волосы с медовым отливом, которые всегда заботливо укладывались в причудливые пышные причёски, чёрные длинные брови, которые уходили далеко за пределы глаз, прямой, аккуратный, ровный нос, красивые мягкие губы и стройное пропорциональное тело. Единственным недостатком девичьего стана была слаборазвитая грудь, потому Идиллия не любила больших вырезов в области декольте, а предпочитала более сдержанный стиль.

Любимым цветами девушки были красный и синий, но ярких нарядов Идиллия сторонилась. Они ассоциировались у неё с манерностью и излишеством. Возможно, виной тому была тетушка Сиيدا — жеманная женщина средних лет, наряжающаяся в броские и едкие тона.

Любимым временем года была дождливая пасмурная осень. В этой холодной отчуждённости чувствовалось родство и ощущался покой. Но вот гулять по отсыревшим и промозглым улицам девушка не любила. Подобные выходы сушили мокрые ноги с довеском в виде простуды: больное горло и заложенный нос — те ещё удовольствия.

Любимым лакомством был десерт под названием «Игрить» — взбитый крем с кусочками шоколадного бисквита, орешками и фруктами. Но часто наслаждаться лакомством Идиллия себе не разрешала. Причиной тому служили внутренняя выдержанность и стойкость, а не соблюдение поста или страх располнеть.

Любимой птицей считалась гарпия. Изящную и величественную хищницу Идиллия увидела однажды в детстве в старинной книге и с тех пор не могла забыть. Мощные когти, необычное пестрое оперение, хохол, напоминающий корону, наблюдательный взгляд — всё в хищнике казалось гармоничным и нужным. Память постепенно стирала иллюстрацию, но образ надменной грации прочно осел в сознании.

Любимым увлечением было чтение. Каждый вторник и четверг девушка приходила в библиотеку, брала книгу, садилась за круглый, покрытый серой цветастой скатертью столик у окна и погружалась в выдуманные миры.

В отличие от многих горожанок и сверстниц, Идиллия не любила любовных романов. Из-за однообразности событий и слащавой вычурности они наводили на неё тоску. «Агис любил пухлые ловкие руки Лиеры, которыми она умело пользовалась в любых ситуациях». Пошло, скучно и предсказуемо. Или. «Джазильда припала лбом к мокрому от пота плечу Ида и провела рукой по мощным мускулам». Пошло, скучно и слащаво. Другой пример. «Они неспешно шли по улице и улыбались друг другу». Нелепо и нестерпимо скучно.

Другое дело — детективы и магические миры! Вот где воображение способно порезвиться, поиграть в салки с идеей автора, взбудоражить логику, посидеть в чужой шкуре, побывать в альтернативном мире.

Девушка обладала живым умом и наблюдательностью. Возможно, именно поэтому Идиллия Вои стала первой, кто заметил нового человека в городе. А возможно, она обратила внимание на чужака потому, что он приходил, как и она, в библиотеку.

Идиллия хорошо запомнила день первой встречи, ведь она против обыкновения пришла не во вторник (их семейство внезапно навестила тетушка Сиيدا с детьми), а в среду.

В библиотеке было тихо и прохладно, мирно тикали напольные часы, Густав Ис — высокий, худой и молчаливый старик — заполнял бланки и расставлял книги в новом порядке: от скуки он постоянно этот порядок менял. За окном сгущался вечерний сумрак. Мирно потрескивали свечи в канделябрах. Густав, несмотря на электрическое освещение, использовал свечи для создания уюта. Мир и покой.

Идиллия вернула прочитанный том зрителю и неспешно пошла по стройным книжным рядам. Увы, многие миры были изучены от корки до корки трижды, и знакомиться с ними

по-новой не хотелось, но тяга к чтению не покидала, и девушка надеялась отыскать ещё не прочитанный том.

Жёлтая обложка! Странно...

Рука непроизвольно потянулась к книге, но в следующее мгновение замерла: сквозь щель, расположенную между книгами и полкой, на Идиллию смотрел кто-то. Встретить читателя в библиотеке — не новость, а вот встретить незнакомца в Шае — потрясение. Если в город и заезжал гость, об этом знали все.

Идиллия взяла книгу и сделала вид, что читает, а сама мельком поглядывала на посетителя.

Её внимание привлекли глаза. Освещённые мягким желтоватым светом, они казались чёрными и бездонными, и в этой пустоте без конца и края мерцали яркие опасные огоньки. Умом Идиллия понимала, что так таинственно отражается свет ламп, но внезапно её охватил необъяснимый страх, и она забыла, как шевелиться.

— Вы читали Харида Каи? — услышала она чистый, мягкий, завораживающий голос, от которого по коже пробежали мурашки.

— Харида Каи? Кто это?

— Автор, книгу которого вы держите в руках, — последовал ответ.

— Нет, не читала.

— Вам повезло, — незнакомец медленно пошёл вперёд, а Идиллия, словно привязанная, последовала за ним. — Этот исторический детектив хорош, и преступника трудно просчитать. Я получил удовольствие от чтения.

Незнакомец дошёл до конца стеллажа и повернул в проход, где навстречу ему шла Идиллия. Молодые люди встретились.

— Поделитесь мнением о детективе после прочтения?

— Хорошо.

— Тогда до встречи, — сказал незнакомец и, неслышно ступая по ковровой дорожке, удалился.

Идиллия смотрела ему вслед и никак не могла понять, что с ней происходит. Молодой мужчина обладал магическим обаянием. Его острый направленный взгляд обескураживал и пленял.

Тут Идиллия вспомнила про таинственное «до встречи». Как они смогут встретиться, если даже имен друг друга не знают? Они, конечно, могут снова пересечься в библиотеке, но где гарантия, что это произойдёт? Однако, в голосе незнакомца сомнений не было, словно он заранее знал, что так будет.

Книгу Идиллия прочла за три дня. Детектив понравился ей безумно. Закрученный сюжет, острые диалоги, мрачные пейзажи, и самое главное, дотошное грамотное расследование. При всей начитанности Идиллия не смогла просчитать убийцу, который находился в непосредственной близости к герою. Автор продумал всё до мелочей!

Пребывая в приподнятом и возбуждённом состоянии, Идиллия, как любой нормальный человек, испытывала потребность поделиться впечатлениями. Перво-наперво, она захотела поговорить с новым знакомым, ведь встреча, по сути, была ей обещана, но Идиллия не намеревалась идти на поводу у первого встречного и потому намеренно избегала столкновений. Во вторник и в четверг от посещения библиотеки она отказалась.

Однако, желание выговориться не покидало. Идиллия маялась целую неделю: ходила по комнате и временами посматривала на книгу, сидела в кабинете отца и раз за разом пролистывала давно изученные тома в надежде, что попавшаяся случайная идея привлечёт внимание и заставит забыть, часами гуляла по окрестностям, но пейзаж казался пустым, прибегала к

монотонной сосредоточенной работе вроде вязания или вышивания, но мысли возвращались к вожделенному объекту.

Девушка попробовала поделиться эмоциями с мамой и сестрой, но те, как назло, либо занимались домашними делами, либо собирались на очередной вечер.

Вконец измаявшись Идиллия пошла к подругам. Но и тут её ждал провал.

— Ой, дорогая, маниакальные наклонности есть только у тебя, — хихикнула пухленькая белокурая Шелли, но поймав взгляд собеседницы, чуть не подавилась чаем.

— Сколько можно читать подобную дрянь? — удивилась рыжеволосая Лэсси, треугольный узкий подбородок которой при этих словах поддался вверх.

— Это пишут психи! — уверила её русоволосая и высокая Милдред.

Идиллия ушла восвояси.

Прошла ещё одна мучительная неделя. Терпение иссякло. Идиллия махнула рукой на условности и, следуя обычаю, пошла в библиотеку во вторник.

В помещении было тихо и прохладно, мирно тикали напольные часы, Густав Ис заполнял бланки и расставлял книги. За окном сгушался вечерний сумрак. Мирно потрескивали свечи в канделябрах. Мир и покой. Какие ещё мир и покой! Скука смертная!

Идиллия стояла в привычной обстановке, но как же она её бесила! Мирное тиканье молотком стучало по вискам, Густав раздражал неповоротливостью и неторопливостью, бланки ассоциировались с ненужным хламом (ведь у библиотеки дай Бог два-три посетителя), прочитанные от корки до корки книги казались старьем, от которого давно следовало избавиться, вечерний сумрак угнетал... Да что же это такое!..

— Здесь из окна хороший вид. Присоединитесь? — услышала она мягкие гипнотические нотки желанного голоса.

Мир и покой вернулись.

Идиллия неторопливо подошла к столику, за которым сидел незнакомец и опустилась в уютное кресло. Девушка обратила внимание, что чужак сосредоточенно смотрит на улицу. Чтобы не показаться чрезмерно любопытной и надоедливой, она сделала вид, что всё вокруг ей неинтересно и безразлично.

— Что вам нравится в этом унылом пейзаже?

— Магия вечера, магия полумрака. Все есть — кирпичный торец соседнего дома, извилистая каменная дорога, парк, унылая дремота осени, монотонная морось, тихое посвистывание и подвывание ветра, дорогое желто-рыжее и огненно-красное убранство улицы — и в то же время ничего нет, ведь пройдёт ещё каких-то полчаса и всё исчезнет, растает в загадочных ночных тенях, которые, как воры, уташат реальность в свои закрома.

Идиллию впечатлило описание простого тоскливого вечера, но признаться в проявлении слабости она не хотела, внутреннее сопротивление, появившееся то ли из-за соперничества, то ли из-за зависти к его уникальности, то ли из-за принципа не идти на поводу у незнакомца, мешало согласиться с собеседником. Чтобы внести в комфортную обстановку ложку дёгтя и тем самым для острастки, прежде всего подстегнуть себя, Идиллия выпалила:

— Сейчас вы, несмотря на убаюкивающие речи, походите на вампира. Бледная кожа, глубокий взгляд, чёрные волосы. Клыков только не хватает.

Эта словестная клякса должна была сработать и отрезвить её.

— Позволю не согласиться. Клыки у меня, впрочем, как и у вас, есть. — Незнакомец чуть приподнял верхнюю губу и указал на нужные зубы. — Вот укушу вас за запястье и превращу в повелительницу ночи, распугивающую всё живое.

Собеседник резко подался вперёд и устрашающе зашипел. Его выходка была столь несуразной для взрослого человека и столь неожиданной и забавной, что Идиллия сначала растерялась, а потом рассмеялась.

— Вряд ли я сойду за повелительницу ночи, слишком правильная.

— Кто ж вас уверил, что любители ночи должны вести себя, как пьяные дебоширы? На мой взгляд, их сила в умении приманить, расслабить, усыпить бдительность, и следом напасть в самый, казалось бы, спокойный момент.

— Коварство тоже не мой конёк, — улыбнулась Идиллия. — А вы себя выдали.

Незнакомец наигранно изобразил огорчение, потом сказал:

— Вы обещали поделиться мнением о книге.

Идиллия, чтобы не выдать истинных позитивных эмоций, собралась и сжала невидимую для собеседника руку в кулак.

— Вы были правы. Книга хороша. Главное, герой, раскрывший убийство, не сыщик, блюститель закона или такой же маньяк, а совершенно обычный человек, способный логически мыслить. — Идиллия не заметила, как раскрепостилась и ожила. Её глаза заблестели от азарта и игры ума. — Он просто мелочен и дотошен. Кстати, это не самые хорошие черты в человеческой натуре, но тут они работают на героя, тут они становятся положительными и нужными. А преступник! Это же уму не постижимо так извращенно мыслить. Книга не просто хороша, она великолепна! — Идиллия смолкла, так как поняла, что выдала себя с потрохами.

Собеседник молчал и оценочных характеристик не давал, он лишь мягко улыбался, что говорило о доброжелательном настрое.

— Я бы с удовольствием прочитала ещё одну книгу. Вы случайно не знаете, есть ли у Хариды Кай другие детективы? — уже спокойнее спросила Идиллия.

— Наверняка знаю о двух. «Обратная сторона ночи» и «Визит смерти». Но вы же знаете, что Харид Кай не единственный в мире писатель.

— Но он тот, кому удалось меня заинтересовать. Заполучить бы ещё одну книгу.

— Не вижу в этом проблем.

После этой простой фразы Идиллия взбеленилась.

— В нашу библиотеку лет сто книг не привозили! Мне кажется, я даже пособие по выращиванию роз прочитала невероятное количество раз!

Брови незнакомца едва заметно дёрнулись, и на губах появилась лёгкая усмешка.

— Можно сделать заказ из более крупного города, или купить книги на ярмарке в Уиллисе. Он всего лишь в трёх часах езды. Или... — Он замолчал, словно раздумывал о чём-то, потом договорил. — ...одолжить у знакомых.

Идиллия, которая была раздосадована отсутствием поступлений, слушала вполуха, но когда разговор стал ей интересен, подалась вперёд.

— У вас есть книги?

— Вот одна из них. — Он указал на том, всё время разговора лежавший перед ним на столе.

— Почему вы читаете собственную книгу в библиотеке? — напряглась Идиллия неправдоподобному совпадению.

— Устал сидеть дома и изучать стены, потому решил сменить обстановку. К тому же, так я могу познакомиться с интересными людьми. — Незнакомец указал на Идиллию.

Была ли она интересна другим, Идиллия некогда не думала. Каким бы умным, начитанным и неординарным ты ни был, всем не угодишь. И состояние нестерпимой скуки ей было знакомо, поэтому она поверила словам и расслабилась.

— У вас много книг?

— Не меньше, чем в местной библиотеке. Но есть у них и существенное отличие: вы их вряд ли читали.

— Одолжите мне что-нибудь столь же увлекательное?

Незнакомец закрыл книгу и пододвинул её девушке.

— Хотя я её ещё не дочитал, но могу поделиться. Вряд ли вы в столь поздний час нанесёте мне визит.

— Я верну её, как только прочитаю, — пообещала Идиллия и подхватила вождельный том.

— Договорились. — Незнакомец встал, в знак уважения едва заметно поклонился и ушёл.

На Идиллию опять напало оцепенение. При кажущейся простоте их диалога, что-то напрягало, но она никак не могла понять, что. Тут девушка осознала, что так и не узнала имени собеседника. Встал вопрос: как она вернёт книгу тому, о ком ничего не знает? Ответ казался очевидным: они вновь пересекутся в библиотеке. Но вскоре Идиллия осознала: чтобы вернуть книгу, ей придётся найти знакомого, ведь сколько бы она не приходила в библиотеку (и в понедельник, и в среду, и в пятницу), таинственный собеседник в ней больше не появлялся.

Мильва Илиас была молодой вдовой. Отец выдал её замуж, когда ей не было и семнадцати, за сорокапятилетнего Ирая Илиаса. Спустя пятнадцать лет супруг умер от сердечного приступа и оставил молодой вдове приличное содержание.

По первой Мильва растерялась, так как не привыкла распоряжаться состоянием, но молодая женщина быстро освоилась и начала жить в своё удовольствие. Перво-наперво она сделала в доме ремонт: серая выдержанность, строгость и холодность за пятнадцать лет утомили, а посему комнаты приобрели яркие синие, кремовые и зелёные тона. Мильва не удержалась от соблазна порезвиться и одну комнату оформила в красных тонах. Бурый красный, который задавал геометрию пространства, она умело соединила с мягким алым, который придавал веселость и на котором, для разнообразия цвета, проступали белые цветы.

Удовлетворив потребность в необходимости ярких перемен, Мильва переключилась на наряды. Скучные, сдержанные и однообразные платья она заменила модными нарядами с необычными вставками, рюшами, лентами и прочими украшениями.

Ну, и напоследок, Мильва занялась внешним видом. Почему, казалось бы, главные перемены женщина оставила напоследок, она долго не могла объяснить, но потом поняла: она так срослась с образом серой гусыни, что долго не могла из него вылезти, и, только когда окружение стало контрастировать с внешностью, сообразила, от чего забыла избавиться.

Мильва перекрасила русые волнистые волосы хной, чтобы они стали более яркими, и уложила их в высокую объёмную причёску, потом с помощью красок подчеркнула круглые брови и выделила коричнево-жёлтыми тонами и без того заметные глубоко посаженные глаза цвета глубокой воды и, наконец, выделила алым чувственный рот. Образ вышел немного пошлым, но женщину это не разозлило, а позабавило. В Шаи так скучно, что немного сплетен ей не повредит.

Создав окончательный образ, Мильва долго сидела перед зеркалом и любовалась результатом. Её овалному, слегка пухлому лицу, перемены пошли на пользу. Из серой массы удалось вытащить на свет суть и истинные желания.

Дальше Мильва долго думала, чем себя занять. И женщина не нашла ничего лучшего, чем увлечься противоположным полом. Так хотелось изучить неведомое, ранее недоступное и непонятное.

Было решено перейти к организации вечерних досугов, естественно с культурным подтекстом, с привлечением мужской половины населения. Чтение книг, газет, обсуждение спектаклей в единственном камерном театре города, пикники с весёлыми и озорными играми, состязания в мастерстве игры на музыкальных инструментах, — вот примерный перечень увлечений, который подготовила вдова скорее для себя, нежели для гостей.

Играя роль благородной вдовы, обустроивающей культурное развитие молодого поколения, Мильва быстро вошла во вкус. Вскоре она и представить не могла себя мирно сидящей дома за раскладыванием пасьянса или нудным цитированием научной статьи.

Мильва открыла в себе дар просвещения молодых людей в искусстве общения с женщинами и, так как с лёгкостью овладела необходимыми навыками и умениями, с удовольствием делилась полученными знаниями.

Вскоре за Мильвой Илиас закрепилась определенная репутация, которая её, несмотря на временами возникающие конфликты, ничуть не смущала.

Внешний лоск и благородство, которые она унаследовала от мужа и которые позволяли ей посещать лучшие дома Шаи, женщина отлично совмещала с незаурядным поведением. Одним словом, Мильва Илиас жила в своё удовольствие.

Мильва встретила Елайя в магазине миссис Парри, где женщина выбирала себе перчатки.

— Синий — не ваш цвет, — услышала она приятный, молодой, незнакомый голос и поспешно обернулась. — Ваша желтоватая кожа проигрывает холодной цветовой гамме. Может, лучше выбрать тёплые тона? — он посмотрел на другой прилавок.

— Мужчина разбирается в цветах и оттенках? Вот это да! — искренне изумилась женщина, повертела рукой в перчатке и так, и сяк, быстро сняла ту и отложила в сторону. — Однако... Вы правы.

Мильва с нескрываемым интересом посмотрела на незнакомца. Сложен он был хорошо и пропорционально. При плавности черт, были в его внешности настораживающие детали: чётко очерченный овал лица, почти прямые брови и пронизательный поглощающий взгляд.

«Этот взгляд подобен непреодолимой пропасти, из которой, если по неосторожности туда попасть, не выбраться веками. И дело тут не в романтическом описании глаз, а в преграде, которая незримо присутствует. Он дотошно изучает собеседника, но никому не позволяет анализировать себя. Это хитрость или осторожность?» — пока Мильва думала, неотрывно смотрела на посетителя. Он осматривал витрину с часами и на пристальный взгляд не обращал внимания.

— Чёрный мне надоел, коричневых пар так много, что не счесть, думала разбавить коллекцию синими тонами, но... Что вы посоветуете?

— Вишнёвый, песочный, изумрудный, салатный, золотистый.

— Тритти, ты его слышала? — не переставая изумляться, женщина забылась и перешла на более свободное общение с подружкой, хотя обычно при посетителях они старались держаться строго и отчуждённо.

Из подсобного помещения вышла миссис Парри — хозяйка магазина, высокая костлявая женщина с необычными угловатыми чертами лица, которые её не портили, а делали индивидуальной. Одежду она предпочитала аккуратную и сдержанную.

— Посетитель прав. Вам следует быть аккуратней в выборе. Не всегда наши желания совпадают с возможностями. — Тритти как бы невзначай напомнила подружке о манерах.

— Вы в Шае проездом? — делая вид, что изучает соседний прилавок, как бы невзначай уточнила Мильва у незнакомца.

— Ну, это смотря с какой стороны посмотреть, — пространно ответит тот. — Вообще-то я живу в Шае, но все мы...

— Вы живёте в Шае?! Этого не может быть! В нашем городе, я даже муравьев знаю по именам, — пошутила женщина.

— Зато теперь мы наверняка знаем, что я не насекомое, — улыбнулся незнакомец.

— Да, тут уместней ассоциация с животным миром. Может, тигр?

— Мильва! — тихо отдернула её подружка.

— Не слишком ли он чужд для этой местности? — поинтересовался собеседник, не выказав раздражения из-за сравнения.

— Тогда, медведь?

Молодой мужчина покачал головой и дал короткую характеристику хищнику:

— Массивен, часто медлителен и слегка отчуждён.

— Волк? — непроизвольно вырвалось у миссис Парри.

— Точно!

— Не знал, что в Шае людей сравнивают со зверьми, птицами и насекомыми, — пошутил посетитель и при этом осёк дальнейшие сравнения.

— Какой товар вас интересует? — тут же сориентировалась миссис Парри.

Когда незнакомец вышел, женщины переглянулись: Мильва громко рассмеялась, потому что глупо себя вела, а Тритти задумалась.

— Этот мальчик возбуждает во мне интерес, — в глазах Мильвы заиграл азарт.

— Советую с ним не связываться, — порекомендовала сдержанная в проявлении чувств подруга. — Он не из тех, с кем можно шутить и забавляться без последствий.

— Ты стала слишком чопорной.

— А ты — дерзкой.

— Ну всё, ничья! Разузнаю, что за зверь, расскажу, — после этих слов женщина весело и игриво улыбнулась.

Мильва накинула и застегнула пальто, подхватила покупки и направилась домой. Тритти поджала губы и неодобрительно покачала головой: при таком поведении рано или поздно подруга нарвётся на неприятности.

Несмотря на обширные связи, Мильва отыскивала незнакомца не сразу. Опрос среди кавалеров ничего не дал. Одни пожимали плечами, так как незнакомец их мало интересовал, другие обиженно супились, так как считали себя лучше. Местная знать была занята собой и на вопросы о чужаке реагировала вяло и без азарта: мало ли кто оказался в городе проездом. Но когда Мильва говорила, что хочет разузнать о новом жителе, они удивленно вскидывали брови и недоуменно качали головой. Никому и голову не приходило вспомнить о владельце Юлиада. И только случай помог вычислить адрес чужака.

Мильва заметила его гуляющим по набережной и, забыв о делах (она собиралась порадовать одного из своих воздыхателей), пошла следом.

Молодой мужчина, словно нарочно, шёл не просто медленно, а нарочито лениво, останавливаясь чуть ли не у каждого дерева. Он замирал, долго смотрел вдаль, в ясное, но холодное небо, вглядывался в стремительно бегущую к горизонту рябь, изучал фасады домов, наряды прохожих, булыжники под ногами и проржавевшую листву, — в общем, наслаждался прогулкой. Но Мильва, которая вынуждена была то и дело искать укрытие, чтобы он не заметил слежку, извелась. Ну что за ценитель пейзажей?! Уж лучше бы он поспешил домой.

Мильва не рассчитывала на длительную прогулку, оттого замерзла и съезжилась. Пока незнакомец осматривал очередную достопримечательность, женщина подозвала извозчика и с удовольствием забралась в крытую коляску, хоть какое-то укрытие от ветра.

Наконец, незнакомец, тоже уселся в коляску, и та повезла его к особняку.

Когда Мильва увидела на горизонте Юлиад, она попросила извозчика остановиться и о чём-то надолго задумалась, потом отправилась домой.

С этого дня Мильва Илиас начала охоту на новичка: он был бы отличным трофеем в коллекции её воздыхателей. Она намерено никому о нём не рассказала. Когда незнакомец попадёт в ловко расставленные сети, она тут же оповестит город о своём триумфе.

Перво-наперво, она узнала имя владельца особняка.

Далее она прислала ему приглашение на один из своих громких вечеров, где царили веселье и активность. Но получила сухой отказ. Мильва, привыкшая к вниманию, комплементарам и почитанию, испытала чувство досады и раздражения.

Тогда она попросила слуг проследить за мужчиной и выяснить его вкусы, приоритеты и увлечения. Но слуги возвращались ни с чем. Кроме пары походов в библиотеку, нескольких прогулок по городу и незначительной болтовни с торговцами, рассказывать было нечего.

Была одна деталь, которая напрягла Мильву. Ей доложили, что в библиотеке мужчина столкнулся с Идиллией Вои. Эта девица была хороша собой и умна, поэтому Мильва насторожилась, но так как после этой встречи сближения молодых людей не последовало, она расслабилась. Куда несмышлёной в сердечных делах девочке тягаться со зрелой, внимательной и обаятельной женщиной!

Следующими шагами, которые предприняла Мильва, чтобы сблизиться с мужчиной, были внезапные столкновения в магазинах, в парке, в ресторанчике «Изобиль», на набережной. Но мужчина вёл себя так выдержанно, что женщина никак не могла придумать повода для сближения.

Постепенно лёгкое негодование и раздражение превратились в гнев. Бессилие и непонимание, как можно её игнорировать, — вот что выводило из себя.

Неожиданно Мильва узнала, что в гости к Елайю Лорса приходила Изида Гресс. Женщина взорвалась: глупышка Изида рядом с ней никто! Средний класс! И внешность заурядная! Низенькая, смуглая и шупленькая, как цыплёнок. Что вообще в ней можно найти?!

Невезучей Изиде сначала изрядно досталось от родных за визит к чужаку в одиночку, а потом от горожан, которые с превеликим удовольствием обложили бедняжку едкими сплетнями.

Изида клялась и божилась, что в её визите не было ничего предосудительного, что она зашла полюбоваться оранжереей и речкой, что хозяин лишь угостил её чаем и сладостями.

— Мистер Елай спросил меня: «Вы уверены, что хотите войти?», — и я ответила — да. Ведь я не намеревалась проходить в дом, я только хотела увидеть речку.

Но что значат слова девушки против общественного мнения?

Выслушав все пересуды и наговоры, Мильва Илиас ухватилась за идею с осмотром достопримечательностей Юлиада, его особенностей в виде речки и огромной оранжереи.

Женщина дождалась глубокого вечера, надела лучшее платье, уложила волосы, подкрасилась так чтобы было заметно, но не броско, и пустилась в путь, который занял приблизительно час. Но несмотря на дальность прогулки, Мильва не взяла извозчика: пока она не положит начало отношениям, никто не должен знать об этой встрече.

Мильва думала, что когда она подойдёт к Юлиаду, ей навстречу обязательно выйдет прислуга, но возле дома никого не было. Пришлось самой постучать в дверь.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем на пороге появился высокий подтянутый мужчина со строгим узким лицом, дымчато-зелёными глазами и собранными в хвост русыми волосами.

— Я бы хотела увидеть хозяина, — не дав мужчине раскрыть рот, объявила гостя.

— Вам назначено? — сухо осведомился дворецкий, у которого был низкий мягкий голос.

— Нет. Но не думаю, что мистер Лорса откажет мне в визите, — самоуверенно заявила женщина.

— Я узнаю, сможет ли мистер Лорса вас принять.

Дверь захлопнулась перед любопытным носом Мильвы.

— Могли хотя бы на порог пустить! — недовольно поджала губы гостя.

Некоторое время спустя дверь открылась.

— Обождите здесь.

Слуга впустил гостью, сам же вышел и закрыл за собой дверь.

— Что за причуды? — недоумевала Мильва.

Помещение, в которое она попала на вестибюль не то что не походило, а его вовсе не напоминало. Это скорее была большая крытая оранжерея или сад под стеклянным небом. Вме-

сто пола — земля, разбитая гравиевыми тропинками на участки. Слева и справа росли деревья, кустарники и цветы. То тут, то там, в ещё густой листве, прятались высокие и приземистые фонари.

Мильва прошла вперёд и остановилась, так как дорогу ей преградила река. Женщина слышала, что Елай Лорса завёл реку в дом, но одно дело слышать, а другое — видеть.

— Зачем столько причуд? — спросила она тишину. — Вышел из дома и наслаждайся.

— Миссис Илиас? Чем обязан? — Елай сошёл с крыльца и остановился.

— Вы знаете кто я? — спросила женщина, а сама внутренне обрадовалась данному обстоятельству.

— Шая — небольшой город, — напомнил собеседник. — Тут все муравьи наперечёт.

Мильва не уловила иронии.

— Я пришла полюбоваться рекой, — чтобы собеседник услышал её, говорить приходилось довольно громко.

Елай показал, что она может исполнить задуманное, ведь реку никто не прятал.

Мильва прошла сначала в одну сторону, потом в другую и тут осознала: чтобы попасть к дому, ей необходимо пересечь реку.

— Не слишком ли вы боитесь визитёров? И неужели каждый раз, чтобы попасть в дом, вы переплываете Узу? — усмехнулась гостья и вновь встала напротив хозяина.

Елай Лорса ничего не ответил. Тогда женщина продолжила:

— Я могу войти в дом и осмотреть его?

— Вы хотите осмотреть дом? — зачем-то переспросил хозяин, и в его тоне проскользнуло сомнение.

— О Юлиаде ходит много сплетен, а я не могу побороть любопытство.

— Тот, кто хоть раз войдёт в Юлиад, из него не выйдет, — предупредил Елай незваную гостью.

«Может, он ждёт от меня неординарного поступка? — пытливый и игривый ум Мильвы искал выход или скорее лазейку из сложившейся ситуации. — Что ж, я не из пугливых!». Женщина смело вошла в реку.

В начале октября вода в реке оказалась неприятно холодной. В голове пронеслась здравая мысль: стоит ли рисковать здоровьем, чтобы раскрыть тайну особняка и его хозяина? С другой стороны, к чему сомненья, когда цель близка? Запал и возбуждение будоражили кровь. «Не рискуя, не добудешь», — вспомнила женщина пословицу, посмотрела на Елайя и продолжила путь.

Мильва никак не могла понять, чем ей приглянулся хозяин Юлиада. Возможно, её, как и всех, влекла тайна? К тому же мужчина был хорош собой и от него исходила привлекательная или скорее притягательная энергетика. Его взгляд настораживал, но это только усиливало эффект обаяния.

Не давал покоя вопрос, зачем в доме река? Какая аналогия стояла за причудой? Возможно, секрет таился в названии реки и намекал на образовавшееся родство хозяина с тем, кто осмелился пересечь преграду? Что-то вроде «и пленили их узы».

Как только вода покрыла плечи, пульс участился, дыхание сбилось, появилась тревога, а потом и цепкий неясный страх. Хоть внешней опасности не было, страх рос. Реку можно было перейти вброд, но Мильва предпочла самое глубокое место проплыть. Гребок и ещё один. Тело плохо слушалось. Пришлось встать на ноги и идти. Быстро идти, так как двигаться было всё трудней.

Елай Лорса не мешал, но и не помогал гостье. Он неподвижно наблюдал за её действиями.

Когда Мильва вышла, ей стало жарко, голова просветлела и казалась совершенно пустой, похожей на чистый лист, и только мокрое платье напоминало о об опрометчивости.

— Вам следует переодеться и согреться. — Елай указал в недра особняка.

— Вы составите мне компанию? — спросила Мильва, проходя мимо и заигрывая с мужчиной.

— Разве хозяин вправе проигнорировать гостя? — вопросом ответил тот.

Удовлетворённая ответом, Мильва быстро миновала коридор и вошла в довольно просторную комнату. Большой камин, в котором пылал огонь, был выполнен из тёмного камня. Тёмные стеновые панели, обрамлённые изящной резьбой, создавали уют и интимность. Коричневые шторы плотно закрывали окна и не позволяли увидеть ни местности, ни времени. Мебели почти не было. Перед камином одиноко стояла оттоманка, пара стульев притаились в тени у стены, между окон к стене крепилось зеркало, под которым виднелась консоль. На оттоманке лежало чистое и сухое платье.

— Вы — аскет? — не удержалась от едкого комментария Мильва, так как в её воображении приём важной гостьи, не говоря о близости, должен проходить в более располагающей обстановке.

Но вопрос повис в разряженном прохладном воздухе. Хозяина рядом не было.

— Какой учтивый, — хмыкнула Мильва и прошла к оттоманке, чтобы переодеться.

В этот момент из-за шторы, которую женщина посчитала простым украшением, вышла горничная и сказала:

— Горячая ванна готова.

— Весьма предусмотрительно. — Женщина подхватила платье и, опередив горничную, быстро прошла в указанном направлении.

Мильва Илиас и не предполагала, что ванная комната может быть столь шикарной. Аскетизм предыдущего помещения резко контрастировал с уютом и теплом этого.

Бело-жёлтая мраморная аркада опоясывала довольно просторную комнату. За ней располагались ниши, оформленные в тёмных-синих и голубых тонах. Углубления притягивали взор и создавали ощущение отделённости и уединенности, в которую, при необходимости, можно было провалиться. В дальней, самой большой нише, которая отгораживалась шторами, находилась ванная. Ёмкость, наполненная горячей водой, утопала в полу и больше походила на небольшой бассейн. В остальных нишах стояли вазоны и зеркала или каменные лавочки, над которыми располагались розетки в виде цветов.

Предвкушая приятную процедуру, Мильва расстегнула несколько пуговиц, но тут за спиной услышала голос горничной:

— Простите, но вы вошли не в ту дверь. — Девушка показала на соседнее помещение.

Требуя вразумительных объяснений, Мильва нахмурилась и напряжённо посмотрела на прислугу.

— Это ванная комната хозяина, а гостевая рядом, — пояснила горничная.

Мильва недовольно хмыкнула, её ожидания в очередной раз обманули.

Соседнее помещение сильно уступало предыдущему. Те же цвета и узоры, но убранство значительно скромнее. Но делать нечего. Это лучше, чем ничего.

Мильва наконец-то стянула с себя мокрое платье и с наслаждением погрузилась в горячую воду — по телу пробежали мурашки: приятный дурман от наслаждения.

В это время в гостиной Елай ждал горничную Молли с докладом. Когда та вошла, он лишь поднял голову и посмотрел на служанку:

— Гостя принимает ванну.

Елай удовлетворённо кивнул.

— Как она отреагировала на просьбу пройти в гостевую ванную?

— Была раздражена, но вслух недовольство не высказала, — доложила девушка. — Вам что-нибудь нужно? — на всякий случай уточнила она.

— Да, Молли, сделай мне кофе. Ночь, по всей видимости, будет долгой, — с иронией проговорил Елай и перелистнул страницу читаемой им книги.

Горничная кивнула и вышла.

Мильва дала себе время остыть, потом подозвала прислугу и уточнила, где она может найти хозяина особняка. Теперь-то для тесного общения она готова.

Комната, в которую попала Мильва оказалась практически пустой: в ней находились только два кресла, стоящих друг против друга.

«Он издевается?» — возмутилась женщина в начале, но чуть погодя задумка показалась ей привлекательной. Приватная беседа с безмолвным противостоянием. Кто в нём победит?

Елай вошёл и сел в одно из кресел, Мильва опустилась в другое.

— Мы будем пить чай? — издевательски заметила женщина, вспомнив историю, рассказанную Изидой Гресс, и указывая на пустую комнату.

На её лице отразилась нервозность, терзающая воображение и теребящая неудовлетворенное расходящееся желание.

— Вы пришли пить чай?

От совершенно простой на первый взгляд фразы женщина возбудилась.

— Странное место для... общения, — менее агрессивно заметила она.

— Я перейду на вашу половину при одном условии, если вам удастся спровоцировать меня, — без предисловий заявил хозяин особняка.

Это условие насмешило женщину. Раз плюнуть! Она смутила и обаяла столько молодых людей, что не счесть. Вряд ли очередной мальчик устоит перед её способностями. Если он хочет немного поиграться, она не против. Так даже интересней: удовольствие растянется.

«Против чего не может устоять ни один нормальный мужчина? Конечно, против обнажённого женского тела, — рассуждала Мильва, пока соображала, какую сцену разыграть. — Я правильно сделала, что не надела корсет. Одежда для соблазна и искушения, увы, неудобная, но когда помехи мешали мне действовать. Было бы здесь красное платье...». Но платья не было, потому пришлось выкручиваться.

В одной интересной книжке, которую женщина случайно нашла в библиотеке мужа, давали грамотный совет по поведению в подобных ситуациях. Мильва хорошо его помнила. Совет гласил: «Выберите откровенное, но не провокационное платье, оставьте место для воображения, уложите волосы слегка беспорядочно, но красиво, снимите с себя все запреты и действуйте. Если у вас есть сомнения по поводу внешнего вида или поведения, это мгновенно отразится на лице, что помешает планам. Это недопустимо. Убедитесь, что вы контролируете эмоции и только после начинайте действовать».

Итак, сомнения прочь, ведь Мильва хорошо знала, зачем пришла. Она встала и уверенно пошла навстречу Елаю. Тот покачал головой и жестом показал, что приближаться и переходить на его сторону нельзя. Это обстоятельство слегка сбilo Мильву с настрое, она вернулась на место и обошла кресло, перебирая пальцами деревянный витиеватый узор спинки. Женщина взбодрилась, расправила плечи, высоко подняла голову, подала вперёд грудь, сделав её более заметной и желанной, и положила одну руку на бедро, а другой приспустила платье с плеча. Мильва слегка приоткрыла рот, чтобы подчеркнуть чувственность и, как она считала, женственность.

Елай отрицательно покачал головой. Эти стандартизированные жесты выглядели нелепо и только смешили.

Чем больше раздевалась Мильва, тем холодней и отрешённей становился взгляд мужчины, хоть это и противоречило здравому смыслу. Женщина резко выдохнула и усмехнулась. Она зашла за кресло и скинула с себя платье, потом изобразила танец рук, по очереди показала ноги.

Елай отрицательно покачал головой.

«Упрямый какой!» — Мильва решила действовать более решительно, вышла из укрытия, неторопливо обошла стул и прятаясь за ним, жестом позвала за собой.

Елай не тронулся с места.

«Он издевается?! — разозлилась Мильва. — Такой откровенный выход не мог не тронуть».

Женщина исполнила танец, поиграла бедрами, погладила себя руками, покружилась, демонстрируя плавные изгибы стройного тела, но и это не сработало. На лице мужчины отразилась такая скука, что Мильва смешалась. Она спряталась за кресло и, следуя странному чутью, стала воспроизводить всё в обратном порядке.

Она надела один чулок, второй...

Брови мужчины удивлённо дёрнулись и тут же вернулись на место.

«Наконец хоть какая-то реакция!» — обрадовалась Мильва и продолжила одеваться. Она накинула сорочку, платье, одну перчатку, другую... При этом она продолжала выглядывать из укрытия и воспроизводить плавные игривые движения.

Когда женщина полностью оделась и вышла из укрытия, Елай Лорса поднялся и открыл дверь.

— Это единственное, что тронуло меня сегодня. Вторая часть танца вам удалась. Реакция была живей и человечней. Миссис Илиас покидает нас, — сказал он уже подошедшей прислуге, указав гостю на выход и, не дожидаясь реакции, вышел.

— У вас железные нервы, — заметил Глей, когда раздражённая до нельзя Мильва выскочила из особняка.

— Пошлость меня не возбуждает.

— Мебель вернуть на место?

— Разумеется.

— Но зачем вы попросили её вынести? — из любопытства спросил Глей.

— В привычной обстановке Мильва Илиас чувствовала бы себя чересчур вольготно и непринуждённо. Пришлось ограничить полёт её фантазии.

— Теперь эта женщина, учитывая её состояние, распушит по городу дурные слухи, — заметил Глей.

— Нет. Люди с удовольствием и азартом рассказывают о своих удачах, но редко хвастаются поражениями.

— Ваша расчётливость меня пугает, — заметил Глей.

— Меня тоже, — совершенно спокойно ответил Елай.

Слухи по городу всё же разошлись, но не дурные, как предполагал Глей, а странные. Горожане с наслаждением судачили о том, что посетившая Юлиад Мильва Илиас до неузнаваемости изменила стиль поведения. Она по-прежнему была учтива и мила с представителями противоположного пола, но приёмы и вечеринки отменила, надевала, хоть и яркие, но сдержанные платья, посещала только те мероприятия, на которых не появлялся Елай Лорса. Всем видом женщина давала понять, что этот мужчина её не интересует и не привлекает.

Резкие перемены не могли обойти острые языки сплетниц. По городу разошлись разного рода догадки, по какому случаю незаурядное поведение сменилось более сдержанным. Паре тут же приписали бурный роман, ведь это самое логичное и разумное объяснение. Так как ответ был найден, слухи поутихли, но временами местные кумушки с азартом перемывали кости Мильве и Елайю.

Впервые имя «Елай Лорса» Идиллия услышала от подруги Милдред, которая с чувством поведала о новой сплетне, гуляющей по городу. Некого Елай Лорса — владельца Юлиада — подозревали в романе с Мильвой Илиас. Идиллия слушала рассказ вполуха и особого значения ему не придавала. Отношения между малознакомыми людьми её не касались. Но мнение девушки изменилось, когда мужчину описали. В яркой и эмоциональной характеристике

проскользнули легко угадываемые черты: харизматичный брюнет с пронзительным взглядом и неспешной, иногда колкой манерой речи.

Идиллия не любила Мильву за излишнюю самоуверенность, которая временами переходила в наглость. У девушки никак не складывалась картинка, при которой столь разные по нраву люди смогли бы быть вместе. Она слушала со скепсисом, который мгновенно отразился на лице.

Подруги переглянулись и смолкли, так как побаивались осуждения.

Вернувшись домой, Идиллия прошла к себе, уселась в кресло-качалку напротив окна и задумалась.

Из общения, которое она помнила, владелец Юлиала — Елай Лорса, как ей теперь известно, не любил ни лишних слов, ни лишних действий, и Мильва Илиас, которая постоянно крутится и вертится, нервировала бы его. Рассказ про речку казался правдой, так как подобное трудно выдумать. К тому же, по городу уже ходили слухи о визите в Юлиад Изиды Гресс, и там тоже фигурировала Уза. Незначительные совпадения всегда указывают на истину.

— Юлиад, Юлиад, — повторила Идиллия. — Я могу не ходить туда. Никто меня не неволит. — Она мельком глянула на книгу, которую одолжила. Та лежала на столике у кровати. — Но что делать с ней? Так идти или не идти? Юлиад, Юлиад, — повторяла она, как заклинание.

— Что ты бормочешь? — спросила вошедшая в комнату сестра.

Когда Идиллия видела Мэсси, всегда непроизвольно улыбалась, и не столько потому что радовалась встрече, сколько потому, что любовалась живой непосредственностью, которая, несмотря на семнадцатилетние, на покидала девушку. Возможно, виной всему были большие изумрудно-карие глаза сестры и аккуратные округлые брови, которые создавали эффект детской наивности. Довершали образ весёлые мягкие кудряшки, пухлые губы и щеки, которые не только не портили сестру, но и добавляли в образ нежности.

— Если я взяла чужую вещь, её стоит вернуть?

— Конечно! В чём сомнения? — удивилась Мэсси.

— Сомнения не в том, стоит ли вернуть, а в том, стоит ли идти в гости к хозяину вещи.

— Возьми с собой прислугу. Возьми Гайса, наконец. Он мощный, с ним в драку никто не полезет.

Наивность сестры не могла не тронуть. Нежная улыбка озарила лицо Идиллии.

— Ох, Мэсси, о какой драке ты говоришь? Он до неё не снизойдёт, — улыбку сменила не то горечь, не то печаль.

— Тогда я вообще проблем не вижу. Если ты собралась в гости к воспитанному человеку, к чему столько опасений и терзаний?

— В том то и проблема, что я не знаю! — вспыхнула Идиллия.

— Ну, хорошо, дорогая, давай я пойду с тобой. Мы возьмём Гайса и вернём хозяину одолженную тобой вещь.

— Идея хорошая. Так не возникнет ощущения, что я намерено искала встречи и пытаюсь остаться наедине.

Мэсси озадаченно посмотрела на сестру: во-первых, она редко видела спокойную Идиллию в возбужденном состоянии, во-вторых, та никогда не искала оправданий для своих поступков.

— Дорогая, для простого визита ты слишком взвинчена и раздражена. — Мэсси взяла Идиллию за руку.

— Не придумывай лишнего. Я эмоциональна не из-за самого человека, а из-за нового знакомства. Сама подумай, когда в последний раз нас посещал незнакомец.

— Незнакомец в Шае? У нас температура и бред? — Мэсси наигранно потрогала сначала лоб сестры, а затем свой. — Где ты с ним встретилась?

— В библиотеке.

— Мужчина в библиотеке — не к добру, — пошутила Мэсси. — Ты трогала его руки? — ни с того, ни с сего спросила сестра.

— Что? — изумилась Идиллия.

— Я спрашиваю, руки у него горячие или холодные?

— Да не трогала я его! — вспыхнула Идиллия, а сама попыталась вспомнить, не соприкасались ли они с мистером Лорса.

— Зря, — ничуть не смутившись, ответила младшая сестра. — Я слышала, что мужчин с холодными руками стоит опасаться.

— Почему? И откуда у тебя такие познания?

— Понятия и не имею. Мама так говорит.

— Мне нет дела до его рук! — Идиллия разозлилась на себя за то, что подалась на провокацию сестры. — Игим Гой...

— Ой, не начинай! — Мэсси махнула на сестру рукой. — Последний человек, на которого ты помотришь, будет Игим. С пятнадцати лет тебе прочат его в женихи, и что? Лучше расскажи о том, кто тебя заинтересовал? — у Мэсси от интереса заблестели глаза.

— Новый владелец Юлиада.

— Твой незнакомец — владелец Юлиада? Тот, кого обсуждает весь город? Подожди, ты его видела? Серьёзно? Какой он? Молодой или старый? Красивый или страшный?

— Красивый?.. Ну-у-у, не знаю. У него пронзительный взгляд. Пробирает до дрожи. — Идиллия потёрла плечи.

— Он высокий? Стройный?

— Мэсси, прошу тебя! — Идиллия подошла к окну и попыталась на чём-то сосредоточиться, но пейзаж плыл, как в тумане.

— Раз незнакомец заинтересовал тебя, значит он хорош. Ты не из тех, кто обращает внимание на заурядность.

— Игим Гой тоже незаурядный: высокий, стройный. К тому же у него живой ум, он общителен, он, наконец, замечательно играет на фортепиано.

— Ты уговариваешь меня или себя? Тогда ты забыла упомянуть его большие синие глаза на бедном худом лице, копну всегда слегка растрёпанных серых волос, большой рот и чрезмерную худощавость.

— Мэсси! — сестра обернулась и укоризненно покачала головой, ведь собеседница намеренно внесла в образ невзрачность. — Каким бы ни был Игим, он по-своему привлекателен. А нам с тобой, как жителям провинциального городка, нечего тренироваться в чрезмерной разборчивости.

— Сарказм тут не уместен. Ты с детства привереда, словно выросла не в Шае, словно твои родители благородные аристократы. Если бы я наверняка не знала, что ты — моя сестра, подумала бы, что тебя подкинули. Посмотри на себя! Стать, выдержка и временами неуместная рациональность. В Шае ты — лишняя.

— Не мели чепухи! — разозлилась на излишнюю словоохотливость сестры Идиллия.

— Хорошо, оставим твои благородные корни. Скажи, годится ли владелец Юлиада тебе в женихи? — спросила сестра.

— Ты спятила?!

— Только представь: ты — хозяйка самого большого особняка в Шае. Мне не терпится его увидеть.

— У тебя странные идеалы. — Идиллия не понимала, почему сестре всегда удаётся её развеселить. — Слухи тебя не смущают? — для острастки уточнила она.

— «Слухам не верь, их сначала проверь», — чуть переиначила пословицу Мэсси.

Идиллии трудно было с ней не согласиться.

На следующий день Идиллия в сопровождении Мэсси и Гайса отправилась к особняку. Идя к коляске, Идиллия дала чёткие указания своим спутникам без необходимости и просьба в разговор с мистером Лорса не вмешиваться. Рослый Гайс от природы не был болтливым, потому коротко кивнул, услышав приказ, а Мэсси изначально не собиралась влезать между теми, за кем с любопытством хотела понаблюдать, потому хитро улыбнулась.

Полчаса спустя троица стояла у порога особняка и ждала, пока откроют дверь. На пороге появился Глей.

— Чем могу помочь?

Идиллия, которая пребывала в слегка возбужденном состоянии, выпалила просьбу позвать хозяина. Девушка говорила, а сама думала, не стоит ли уйти, пока не поздно.

— Я уточню, сможет ли мистер Лорса принять вас. — Дворецкий исчез за дверью.

— К вам пришла мисс Вои, — доложил Глей Елайю, который принимал ванну.

— Одна?

— Нет. С ней девушка и рослый мужчина.

— Скажи, что я приму её позднее. К примеру, завтра.

Елай с головой ушёл под воду.

Не успел он накинуть на плечи халат, как повторно вошёл Глей.

— Мисс Вои сказала... — он запнулся, — немедленно.

— В приказном тоне?

Глей кивнул.

— Интересно... — Елай хотел было одеться, но передумал, накинул на плечи полотенце и намеренно растрепал уже расчёсанные волосы.

— Вы выйдете так? — уточнил Глей. — Ветер сегодня холодный.

— Разве можно заставлять женщину ждать?

Когда Идиллия и Мэсси увидели идущего к ним мужчину, они недоуменно переглянулись и смутились. Гайс остался недвижим, хоть выходку не оценил.

— Почему вы в халате? — Идиллия вышла вперёд и прикрыла собой сестру.

— Вы же сказали немедленно, — напомнил Елай.

— Вы бы ещё в чём мать родила появились! — Идиллия смолкла, так как сболтнула лишнее.

— Увы, к вашему приходу я уже накинул халат. Но если вы настаиваете...

Девушка прикрыла глаза рукой на случай, если собеседник вытворит что-нибудь возмутительное, но он остался недвижим.

— С вами невозможно разговаривать! — негодовала она.

— Но вы же говорите, — заметил Елай.

Идиллия опустила руку. Выходило, что она противоречила сама себе. В чём он, собственно, виноват? В том, что она выдернула его из ванной? Она протянула вперёд книгу.

— Благодарю! Я её прочла.

— Надеюсь, она понравилась вам не меньше предыдущей?

Идиллия поймала себя на мысли, что думает вовсе не о книге, как в прошлую их встречу, а о её хозяине.

— Да, интересная, — пробормотала она: сейчас она вряд ли чётко сформулирует мнение о прочитанном детективе.

— Принести что-нибудь ещё? Или, может, выберете сами? — Елай указал на особняк.

— Нет, — осторожничала Идиллия, хоть соблазн войти был велик. Она решила пойти на риск и сказала: — Об особняке и его хозяине ходят разные слухи...

— Вы верите слухам?

В этот момент Мэсси дёрнула сестру за рукав.

— Они редко бывают беспочвенными, — настаивала на своём Идиллия, несмотря на внутренний и внешний протесты.

— Мисс Вои, я не намерен обсуждать с вами сплетни, поэтому, с вашего позволения, пойду домой. Для прогулки в халате сегодня холодно.

— Простите за беспокойство, — выдавила она, потому что признала ошибку.

После извинений Елай чуть склонил голову и прищурился. Мэсси из укрытия улыbnулась и приветливо помахала мужчине рукой. Тот ответил тем же. Гайс коротко кивнул. Идиллия поймала себя на мысли, что не хочет уходить, но последние резкие слова, которые пульсировали в голове, заставили её повернуться на сто восемьдесят градусов.

Первое, что попросил Елай, когда вернулся в дом, — налить в ванну горячей воды.

— После визита мисс Вои меня бросает в дрожь, — пошутил он и поспешил согреться.

Следующей посетительницей загадочного особняка стала девятнадцатилетняя Агнес — сухощавая и смуглая злочка из благородного рода Долишей, у которой был крючковатый нос и хмурый взгляд.

Агнес считала себя лучше других по многим причинам. Во-первых, её род самый почитаемый в городе, во-вторых, её красота необычная, но впечатляющая, в-третьих, она смелая и напористая: если поставила перед собой цель, обязательно придёт к ней.

Услышав сплетни сначала о визите в Юлиад Изида Гресс, а потом Мильвы Илиас Агнес позлорадствовала, что глупая девица и заурядная дамочка получили по заслугам. Позднее, когда она столкнулась с хозяином особняка в парке, сделала вывод, что и сама бы от визита вежливости не отказалась. Но, в отличие от других, она делает всё грамотно. Она вынудит мистера Лорса пригласить себя и придёт в особняк в сопровождении прислуги. Так она и сплетен избежит, и с поставленной задачей справится. Но потом Агнес передумала. Идея показалась ей примитивной. Захотелось придумать захватывающий план. К слову, было бы неплохо, если бы Елай Лорса сделал ей предложение. Такой поворот многим красавицам утёр бы нос. И сочетание было хорошим: самый знатный род — самый богатый житель.

Недели две Агнес вынашивала план принуждения мистера Лорса к женитьбе, но одна идея была хуже другой. Человек он непростой и принудить его к чему бы то ни было — сложно. Значит стоило обаять.

Агнес каждый день искала встреч с предметом своих желаний, но мистер Лорса общительностью не отличался, да и на людях показывался редко. Как быть? Ну в самом деле, не поступать же как предыдущие посетительницы Юлиада?

Агнес ещё раз прокрутила в голове историю Изида и Мильвы и решила пойти на хитрость.

Она оделась элегантно и строго, взяла с собой прислугу и отправилась к особняку. Местность Агнес приглянулась, и она утвердилась в решении завладеть и хозяином, и домом.

На стук явился дворецкий и осведомился, чем может помочь. Ему объявили, что пришли полюбоваться оранжереей и рекой. И добавили, что было бы здорово, если бы хозяин сам всё показал. Слуга исчез и вскоре к гостям подошёл Елай Лорса.

— Мисс Долиш, было бы здорово, если бы вы заранее сообщили о визите. Я бы попросил прислугу убрать оранжерею.

— Опавшие листья вряд ли смутят меня. — Агнес протянула Елаю руку.

Тот озадаченно посмотрел на неё и аккуратно пожал. Агнес разочарованно поджала губы и спросила:

— Так я могу войти?

— Прошу. — Елай ушёл с прохода.

Гостья долго ходила по оранжерее и делала вид, что рассматривает каждый куст и цветок, а сама в это время продумывала свой коварный план.

— Я полагаю, на ту сторону должен быть проход по суше. — Агнес указала на реку. — И вы, и ваш слуга спокойно перемещаетесь с одной стороны на другую.

— Вы наблюдательны, мисс.

— Могу я перейти на ту сторону? — Агнес указала на дом.

— Мисс Долиш, есть правило: тот, кто войдёт в Юлиад, из него не выйдет.

— Что за странная детская присказка? — скуксилась Агнес. — Это своего рода отказ? Или я должна провести некую параллель с высказыванием?

— На ваше усмотрение. И это не отказ, а данность. — Елай показал на дом. — Вы можете пересечь реку, но назад пути не будет, ведь прошлое неизменно.

— Я не из пугливых, — уверила Агнес собеседника. — Так где мост?

— Его нет.

— Но есть...

— Узкий выступ слева, по которому можно перейти на другую сторону.

Елай прошёл к нужному месту и быстро перешёл на другую сторону.

Агнес осмотрела выступ: «То, что нужно для её плана!». Она ухватила рукой за деталь мощной рамы и пошла вперёд. Теперь главное, чтобы падение выглядело натурально.

— Мамочки! — вскрикнула Агнес и полетела в воду.

— Ох, мисс Долиш, теперь до Юлиада вам придётся добираться вплавь. — Елай подошёл к берегу и протянул незадачливой гостье руку.

— Вода ледяная! Как я теперь домой пойду? — Агнес беспомощно осмотрелась, быстро перешла реку и приняла помощь.

Служанки, которые остались стоять на другой стороне, суетливо мялись на месте.

— Полагаю, вам стоит просушиться и выпить горячий чай или молоко. Глей, позови Молли и Гилли, тут без них не обойтись! — крикнул Елай слуге.

Через полчаса Агнес сидела в гостиной Юлиада за уютным круглым столиком и с удовольствием пила травяной чай. Служанки дожидались хозяйку в оранжерее.

«Ну, что я за умничка! — хвалила девушка саму себя. — Всё сделала как надо. И комар носа не подточит!».

— Мистер Лорса, вы довольно гостеприимный хозяин. Не понимаю, почему многие думают иначе.

— Приятно слышать.

— Вы не находите, что в доме не хватает женской руки?

— В чём это выражается? — без тени смущения или удивления спросил Елай.

— В выборе цветов, ткани, мебели и возможности побеседовать к кем-то кроме прислуги в любое время суток.

— У вас есть дельный совет по поводу выбора цветовой гаммы, тканей и мебели? Или...

— Мистер Лорса, вы слишком прямолинейны.

— Спешем это на нехватку женской руки, — едко улыбнулся собеседник. — Кстати, мисс, я полагаю, вам следует вернуться домой, ведь ваш визит был довольно длительным, а это может привести к ненужным кривотолкам. Я ими уже прилично оброс. Для меня в том есть польза, а для вас только вред.

— Ваше беспокойство мне приятно. — Агнес поднялась. — Что ж, благодарю за приём. Было бы здорово, если бы в следующий раз вы рассказали мне о жизни в столице или каком-нибудь другом городе.

Елай ничего не ответил, только учтиво улыбнулся: повторно встречаться с Агнес Долиш в его планы не входило.

— Приятной дороги, мисс. — Елай вывел гостью из особняка в сад и привёл к центральному входу, где девушка встретила с прислугой.

Вечером Елай дал Глею поручение.

— Эта гостья высоко метит. Проследи за тем, что она будет делать. Есть у меня подозрение, что её игра падением в реку не ограничится.

— Что вы имеете в виду под «высоко метит»?

— Она хочет, чтобы я на ней женился.

— С чего вы взяли? — недоумевал Глей.

— Она сама мне об этом сказала.

— Так прямо и сказала?

— Уж лучше б прямо. Меня настораживает её манера решать за других.

Спустя три дня Глей разбудил Елайя громким стуком в дверь флигеля.

— Елай! — он перешёл на «ты», что бывало в чрезвычайных случаях. — Мисс Долиш начала действовать и так стремительно, что... У меня не хватает слов, чтобы описать её поведение! И это после радушного приёма?

— Что ты с утра кричишь? — сонно спросил Елай, переворачиваясь с боку на бок. — Что она предприняла?

— Она... Тебя обвиняют в изнасиловании!

Елай сел. Сна не было ни в одном глазу.

— В чём? — переспросил он и открыл дверь. — Приготовь крепкий кофе, орехи и шоколад. Чтобы выпутаться из гнусной передраги, придётся поскрипеть мозгами.

— Да уж, постарайся! — наставительно заметил Глей.

— Я полагал, что она мерзкая, но что настолько...

— Как ты там сказал? Высоко метит?

— Да низко бьёт, — повёл головой Елай, словно хотел смахнуть с себя негатив.

После завтрака Елай и Глей прошли в кабинет.

— Теперь рассказывай всё по порядку и в деталях. Когда и где я успел порезвиться с мисс Долиш.

— У тебя хватает сил шутить?

— Что ещё остаётся? И давай без лишних эмоций. Может, не так страшен чёрт, как его малюют? Итак...

— Мисс намекает на грубую интимную близость в момент уединения в особняке. Она ничего не говорит прямо, а родителей вообще переубеждает, но город нудно гудит, передавая наговор из уст в уста. Оправить бы её тогда восвоёси в мокром платье, — добавил Глей эмоциональную ремарку.

— Её желание — не сослать меня на каторгу, а женить на себе, значит она будет не давить, а пугать, выдавая выдуманную информацию порциями. Это будет держать меня в стрессе. Что ж, Глей, у меня интригующий противник.

— Как по мне, ты слишком спокоен.

— Подумай сам, меня с утра разбудил ты, а не констебль, значит всё не так плохо. В ближайшее время мисс Долиш нанесёт нам ещё один визит и, чтобы принять гостью, как положено, мне потребуется помощь. Поезжай в Гротерринг и привези мне оттуда парочку красочных презабавных книг.

— Книг? — Глей подумал, что ослышался.

— Да, я составлю список. Мы обогатим фантазию мисс Долиш. И не переживай, в твоё отсутствие я не дам повода очернить или спровоцировать себя. — Некоторое время Елай сидел

молча, потом сказал: — Мне интересно, что будет делать мисс Долиш с теми слухами, что успеет распусть, если ей придётся их отрицать.

— Возможен ли повторный визит в подобной ситуации? Он лишь усугубит положение.

— Мисс Долиш и придёт, и уйдёт сама, но на этот раз я действительно буду разговаривать с ней наедине.

В комнату к Агнес вбежала горничная.

— Госпожа, до ваших родителей дошли слухи. Что будете делать, если ваш отец вызовет мистера Барри? Доктор быстро поймёт, что к чему, — опасливо косясь на дверь, тихо тараторила горничная, которая сопровождала Агнес в Юлиад.

— Не твоего ума дело! — осекла служанку госпожа. — Отец вряд ли будет действовать сгоряча. Сначала он устроит мне допрос с пристрастием, потом, когда слухи станут острее, нанесёт визит мистеру Лорса. — Агнес усмехнулась. — Этот визит только распалит подожжённый мной огонь. Если же дойдёт до проверки, придётся поставить на кон репутацию. Но, полагаю, до этого не дойдёт.

— Молю, чтобы мистер Лорса оказался добрым и сговорчивым.

— Смотрю, в людях ты не разбираешься, — усмехнулась Агнес наивности горничной: она затеяла опасную игру не потому что её противник был лёгкой добычей.

Через пару дней, гуляя по парку, Агнес столкнулась с Елайем Лорса. Она полагала, что он будет избегать её, что он постарается не показываться на людях, но эта встреча говорила об обратном.

— Добрый день, мисс Долиш! — мило улыбаясь, приветствовал её хозяин Юлиада.

— Добрый день! — Агнес намеренно перешла на другую сторону улицы.

Елай усмехнулся: она отлично играла свою партию. Что ж он с удовольствием подыграет ей.

— Полагаю, на днях нам стоит обсудить положение, в которое мы с вами из-за глупых и пустых сплетен, попали.

— Вы хотите нанести визит вежливости отцу?

Елай задумался и одобрительно закивал.

— Но с начала я бы хотел поговорить с вами.

— Один раз я уже допустила ошибку, оставшись с вами наедине, не думаю, что глупость стоит умножать. Нанесёте визит отцу, и после мы вдоволь наговоримся.

Что-то во взгляде собеседника в этот момент изменилось. Мягкость с теплотой уступили место презрению, уверенности и резкости. Елай осмотрелся по сторонам и, улучив момент, когда горничные отвернулись к витрине магазина, сказал:

— Мисс Долиш, и вы, и я знаем способ уличения вас во лжи. Если он недейственен, то и у меня появится отличный повод для сплетен.

Агнес стиснула зубы.

— Не понимаю, о чём вы. Сплетни вредят мне больше вашего.

— Посему предлагаю мирное разрешение возникшего затруднения. Вы же не забыли дорогу в Юлиад? Буду ждать вас сегодня часов в пять на чай.

— Я приду не одна. И, надеюсь, мне не придётся прыгать по выступам.

Елай обаятельно улыбнулся.

— В этот раз я лично позабочусь о вашем удобстве.

Агнес кивнула и поспешно пошла по улице в сторону дома. Горничные последовали за ней.

К положенному сроку Агнес с прислугой была на месте, но вот хозяина дома не оказалось.

— Полагаю, что-то задержало мистера Лорса на прогулке, — оправдывал Глей отсутствие Елайя к установленному им же времени. — Вы же знаете, как ваш визит важен для хозяина. Он не мог его проигнорировать. Предлагаю вам, пока ждёте, выпить чаю или осмотреть дом.

— Я бы хотела выпить тот чай, что пила в прошлый раз. Он изумительно хорош! Удачное сочетание трав и пряностей делает его поистине уникальным! Я слышала, что сочетание душицы, чабреца и лимона обладают противовоспалительными свойствами и бодрят. Тут сочетание объёмнее и вкус богаче. Ваша кухарка знает толк в своём деле! — Агнес по-хозяйски устроилась за столиком в гостиной. — Подскажите, какие травы в него добавляют? Я чувствую гвоздику и мяту.

— Увы, мисс, я в этом не разбираюсь, но если вам интересно, уточню в кухне.

— Не стоит. — Агнес рассчитывала на то, что вскоре будет часто наслаждаться понравившимся вкусом и рецепт ей не потребуется. — Некоторые вещи должны оставаться желанными и недоступными, — с лёгкостью заявила она.

— Не-дос-туп-ны-ми. — Глей выделил понравившееся слово, одобрительно кивнул и, играя словами, на подобии гостя, добавил: — Попрошу прислугу сделать для вас чай забываемым.

Агнес самодовольно кивнула.

В это время Елай взошёл по ступенькам крыльца дома Долишей и постучал. Ему тут же открыли.

— Я бы хотел поговорить с мистером Долишем, если это возможно, — обозначил цель визита гость.

— Обождите, я сообщу о вас. — Старый дворецкий медленно прошёл вглубь дома.

— Как он посмел явиться! — услышал Елай раздражённый голос хозяина, а вскоре тот предстал перед гостем сам. — Что вы забыли в этом доме?! — Дон никак не мог усмирить излишнюю эмоциональность.

— Хотел обсудить общую проблему, но если вы против...

— Общую?! — чуть сдержаннее спросил Дон Долиш. — Хорошо. Проходите. — Он указал в сторону кабинета, где мужчины вскоре уединились.

Дон Долиш был плотно сложен, но это его не портило. Его лицо не сужалось к подбородку, как у многих, а слегка расширялось. Нос имел тонкую переносицу, но широкие крылья, и оттого бросался в глаза, когда интенсивно дышал. Глубоко посаженные небольшие серые глаза терялись на крупном лице. По характеру Дон был человеком вспыльчивым и напористым. Одевался согласно моде. Обожал шляпы и усы, которые с удовольствием носил.

— Слушаю вас, мистер Лорс! — Дон пытался скрыть раздражение. Вдруг, гость и вправду пришёл уладить возникшую проблему.

— Мистер Долиш, где ваша дочь? Я бы хотел, чтобы она присутствовала при разговоре, — не чувствую скованности, Елай расположился на диване.

— Не дело девице слушать скабрёзности.

Дон понятие не имел, где находилась Агнес, но он знал, что дома она отсутствовала. Он и умело выкрутился, и намекнул на соблюдение деликатности.

Елай в принципе уже достиг цели визита: он привлёк внимание отца к отсутствию дочери. Вряд ли Агнес сказала домочадцам, что поехала в гости к человеку, который причинил ей вред. Значит, отец, при любом раскладе дел, уличит её во лжи.

— Я бы не посмел высказываться неэтично при девушке. Может быть, вы присядете? — Елай указал хозяину на кресло. — Мне бы хотелось находиться с вами в равном положении.

Дон посмотрел на гостя по-другому. Тот обладал отменными манерами, хоть и выражался напрямик. Однако Дон упустил из виду одну важную деталь: в этот момент в собственном доме он стал гостем. Мужчина сел.

— Полагаю, что сплетни поползли, увы, по моей вине. Недавний визит миссис Илиас наделал много шума. И, так как мисс Долиш попала в похожие условия, ей приписали и схожие последствия, хоть они надуманны в обоих случаях. Вы не хуже меня знаете, что сплетням свойственно обрастать излишними, неприглядными, а иногда интимными подробностями. — После этих слов Дон нервно дёрнулся. Елай заметил это, но продолжил: — Нам следует немедленно устранить пагубный наговор, по тому как я беспокоюсь за судьбу юной мисс не меньше вашего.

— Что вы предлагаете?

— Во-первых, показать горожанам, что мы отлично ладим. Это поумерит их пыл и заставит задуматься, всё ли так плохо, как подносят. Во-вторых, мисс Долиш стоило бы в ближайшем будущем выйти замуж.

— За вас? — усмехнулся Дон.

— Ни в коем случае! Так мы подтвердим слухи. Мол, был повод для брака. Ей нужен состоятельный и титулованный жених. Этот брак заявит: сплетни — пустое, наша дочь живёт по законам аристократов.

— А в-третьих? — поинтересовался Дон, так как незаметно для себя увлёкся идеями.

— Ближайший визит вашей дочери в Юлиад подтвердит ваше ко мне расположение. Думаю, на этом всё, — на всякий случай сказал Елай.

— А вы не так... — Дон не смог подобрать подходящее этикету слово, потому продолжил без него: — как вас описывают.

— И это очередное подтверждение того, что сплетни в своей основе губительны.

— Я обдумываю ваши слова, мистер Лорса.

— Что ж, — Елай встал, — Юлиад всегда открыт для вас. Надеюсь, совместными усилиями нам удастся уладить раздутый на пустом месте конфликт.

— Я поговорю с дочерью, и дам вам знать о своём решении. — Дон, наконец, почувствовал, что его эмоции стабилизировались.

— Буду ждать. — Елай удалился.

Агнес Долиш очнулась и ещё не сообразив, где находится, почувствовала, что её руки крепко связаны за высокой спинкой стула, на котором она сидела. Небольшая комната утопала в полумраке. Обстановка была довольно скудной. Стул, на котором она сидела, кресло напротив, круглый стол, покрытый тёмно-красной скатертью, и оттоманка чуть в отдалении. Комнату освещал несмелый огонь в камине. Стены были либо покрашены в тёмный цвет, либо оклеены мрачными обоями: в темноте казалось, что их нет. Кусок света и бесконечная пустота, сотканная из страха, который съедал еле теплящееся внутри спокойствие.

Агнес попробовала высвободиться, но у неё не вышло.

— Мисс Долиш! — послышался низкий обволакивающий голос. — Нет. Что это я так официально обращаюсь к тебе, дорогая! — из тьмы на пяточок света вышел Елай и опустился в кресло.

— Мистер Лорса, что происходит?! — требовательно спросила Агнес: её смущал и голос собеседника и обстоятельства, в которых она находилась.

— Вам виднее. Да что же это со мной?! — недовольно повысил голос Елай и мягко проговорил: — Тебе видней.

Агнес не знала, что говорить и как реагировать. В комнате повисла тишина. Агнес соображала, как ей выпутаться из ситуации, потому аккуратно посматривала то в одну, то в другую сторону, но видимых путей к освобождению не было. Тут она поймала на себе сосредоточенный и въедливый, но до жути спокойный взгляд и занервничала.

— Зачем я здесь? — зло, но тихо спросила она: тревожить атмосферу было чрезвычайно опасно.

— Дорогая, твоя фантазия на этот раз тебя подводит? Долг перед тобой не даёт покоя. Я намерен вернуть его с лихвой.

Агнес вздрогнула. В простых словах прослеживалась угроза, но пока было непонятно, от чего она исходила, что послужило поводом для её возникновения. Волнение помогало быстрее соображать. Разговор шёл про долг. Учитывая затеянную ею интригу, становилось очевидно, что долг это...

— Мистер Лорса, вы спятили?! — Агнес повысила голос. — Если отец узнает, он убьёт вас! — это было самое страшное наказание, которое она придумала.

— Ну, раз до сих пор не убил... Слухи-то по городу дня три-четыре ходят. — Елай встал позади стула, на котором сидела Агнес, наклонился к её уху и прошептал: — И... неужели, дорогая, ты так жестоко разделаешься с собственным мужем. Учитывая обстоятельства, мы в кратчайшие сроки обязаны устроить наш союз. Не этого ли ты добивалась? К тому же, за одно и то же преступление не судят дважды.

Агнес как могла отстранилась. Елай продолжил:

— Судя по слухам, мы с тобой довольно близки. Но знаешь, что растаивает? Пересуды не описывают тот способ, который помог нам сблизиться. У меня, в отличие от тебя, плохое воображение, потому тебе придётся помочь мне, — после этих слов, Елай раскрыл книгу, которая лежала на столе.

Увидев фривольные иллюстрации, Агнес сначала побледнела, а потом покраснела.

— Что за непристойность? — возмутилась она и отвернулась.

— С чего вдруг? Тебе эти непристойности должны быть хорошо знакомы. — Елай положил руки на надплечья гостьи, потом слегка обхватил её шею. Он опять наклонился к уху Агнес. — Так какой способ я выбрал в прошлый раз, дорогая? Подскажи, чтобы я мог воспроизвести его в точности. Я человек дотошный, не хочу ошибиться, потому мы повторим всё точь-в-точь. Для этих целей я даже не одну книгу приобрёл. Мы подробно изучим их, ну а потом приступим к делу. Как тебе мой план?

— Вы не посмеете! — прошипела Агнес и отвернулась.

— Слухи уверяют иначе. К тому же, по жизни у меня есть одно правило: если не готов идти до конца, лучше не начинай. — Елай сел в кресло. — Раз ты скромничаешь, я зачитаю пару жарких сцен, если какая-то воодушевит тебя, останови меня, и мы тут же приступим к действию.

Не дожидаясь ответа, Елай начал медленно с выражением читать одну их книг, что лежали на столе.

У Агнес потемнело перед глазами. В голове против её воли закружились яркие образы вызывающих, грубых и пошлых сцен. «Хватит! — несколько раз порывалась выкрикнуть она, но, хорошо помня слова Елая, «останови меня, и мы тут же приступим к действию», молчала.

Прошёл час, другой, возможно, третий... Судить было трудно. Тихий мягкий голос шёл отовсюду. Слова «пленил», «заставил», «привлек», «принудил», «ускорился», «слились», «простонала», «закричала», «насладилась», «сильный», «упругий», «нагло», «боль», «связь» постепенно превратились в звуковой хаос.

Елай перевернул страницу в книге, что лежала на столе перед Агнес, чтобы подхлестнуть фантазию, и продолжил читать. Некоторое время спустя он остановился и внимательно посмотрел на гостью. Невооружённым глазом было видно, что девушке не по себе: её трясло от желания, мутило от отвращения и клонило в сон от духоты.

— Дорогая, ты довольно привередлива. Неужели тебя ни один вариант не устраивает? — чтобы слегка встряхнуть её, спросил Елай.

Агнес, у которой кругом шла голова, сглотнула скудную слюну. Голос Елая слышался где-то в отдалении.

— Тогда я выберу на свой вкус. — Елай перевернул ещё пару страниц.

Увидев очередные красочные иллюстрации, девушка простонала «больше не могу» и отключилась.

Елай захлопнул книгу.

— Ты долго продержалась, — спокойно сказал он и позвонил в колокольчик.

Вошёл Глей.

— Перенесите стул с гостьей в оранжерею, поставьте его на противоположном берегу, развяжите ей руки и оставьте дверь открытой. От вечерней прохлады она быстро придёт в себя.

— Не бойтесь, что она поднимет шум?

— Посмотрим, — неопределённо сказал Елай.

После посещения особняка, девушку приводили в чувство дня два.

Недомогание сменилось тошнотой и головной болью. Осмотр врачом нечего криминального не выявил. Врач недоуменно пожал плечами, поставил диагноз «нервное перевозбуждение» и посоветовал отвезти девушки на отдых в горы или к морю.

Когда Агнес стало лучше, Дон и Глэдис пристали к дочери с вопросами.

— Агнес, дорогая, мистер Лорса навредил тебе? — допытывалась Глэдис.

— Меня никто не трогал! — выкрикнула Агнес и отстранилась от родителей.

— Но что вы делали? — допытывалась мать. — Тебя не было весь вечер!

— Ты слишком на неё нападаешь, — заметил Дон.

— Мы читали, — нарочито сдержанно ответила дочь.

— Читали? — удивилась мать. — Что читали? — ей требовалось подтверждение слов фактами.

— Что можно читать? — недовольно фыркнула Агнес. — Книги, конечно!

— Как же слухи, дорогая? — с тревогой спросила мать.

— Приведу в пример пословицы. — Сквозь зубы проговорила Агнес: сейчас ей требовалось мужество, чтобы опровергнуть всё то, что ранее наговорила. — Первая. Сплетник ненавистен веками. Вторая. Чужой рот — не свои ворота, не затворишь. Последняя, что приходит на ум, «правда бывает страшнее самых злых слухов». Так говорил какой-то писатель. Правда в том, что мне пора уехать из Шай, мне пора выйти замуж за приличного человека. — Агнес требовательно посмотрела на мать. — Ты говорила, что в столице есть стоящий кандидат.

Дон одобрительно закивал.

— Но мистер Олдридж не устаивал тебя, так как старше на восемь лет.

— Я поняла, что эта разница не существенна.

Супруги переглянулись. На этом расспрос закончился.

Первое, что сделали супруги Долиш, чтобы истребить пагубные слухи, нанесли визит мистеру Лорса, где мастерски потренировались в театральном искусстве. При случайных встречах в городе, они продолжали играть радушие. Второе, — они объявили о скорой помолвке дочери и её отъезде в столицу.

Какое-то время шаинцы сокрушались, что у них отняли лакомый кусок смачной добычи, но потом успокоились.

Так закончился визит в Юлиад Агнес Долиш.

Слухи всегда привлекали семнадцатилетнюю Мйтру Настіриас. Она любила перемывать жителям города кости, да так, чтобы они были идеально чистыми.

Когда девушка услышала о романе Елайя Лорса и Мильвы Илиас, долго и весело смеялась, а потом задумалась. Этот союз казался бредовым. Когда она узнала о неосмотрительности Изиды Гресс, придумала пару захватывающих вариаций её визита в особняк с острыми концовками. Когда узнала о болезненном состоянии Агнес, закатила глаза к небу и покачала головой: людская bestолковость не знает предела.

Внешне владелец Юлиада Митре нравился, она видела его пару раз на улице мельком, но его характер, судя по разговорам, оставлял желать лучшего. Несговорчивый молчун — хуже занозы. Щепса саднит, да и только, а неизвестность — раздражает. Если прибавить постоянное сомнение, ведь у упрямцев найдётся повод для пререканий и споров, выйдет та ещё дерготня, которая в конечном итоге доведёт до истерики.

Митра хорошо знала себя, потому от претензий на какой-либо союз с мужчиной отказалась. Но она захотела воспользоваться случаем, чтобы повеселить и себя, и других.

Митра так привыкла врать, что часто путалась в данных, которые сочиняла, но это её не смущало и не расстраивало. Одну ложь она лихо прикрывала другой, третьей, четвертой и так далее до бесконечности. Благо фантазия и смекалка никогда не подводили.

Она захотела проникнуть в особняк, разузнать всё о нём и его хозяине, сочинить впечатляющую историю, чтобы у жителей города волосы на голове встали дыбом, и за счёт ажиотажа стать интересной и популярной. Эта идея так захватила разум Митры, что ни о чём другом она думать не могла.

Перед ней стоял один вопрос: как осуществить задумку так, чтобы её визит для хозяина особняка остался незамеченным?

Девушка придумала нехитрый план, состоящий из нескольких пунктов. Первый. Хорошо изучить местность. Второй. Вычислить дни, когда хозяина не бывает дома. Третий. Узнать, как проникнуть в дом. Четвертый. Позаботиться о безопасности. Пятый. На основе добытых сведений сочинить захватывающую историю и добавить детали, которые убедили бы всех в её правдивости.

Выглядела Митра весьма необычно, даже чужаковато. Видимо, природа намеренно подчеркнула в ней то, чем наградила. Бледное овальное лицо чуть расширилось к подбородку, который стремился вперед и напоминал об упрямстве натуры. Глаза у девушки были большими глубоко посаженными и имели большое хорошо выделяющееся верхнее веко. Округлые брови забавно прыгали, когда она чем-то впечатлялась. Впрочем, иногда прыгала лишь одна бровь, а другая, выражая скепсис, оставалась на месте. Серые глаза часто ухмылялись или лукаво щурились. Рот был небольшим и плохо очерченным. Если девушка его не подкрашивала, то он становился меньше чем был. Вьющиеся, светло-серые, часто спутанные волосы Митра укладывала так, чтобы обязательно торчали прядки. По её мнению, это придавало причёске пышности. Иногда она намеренно их подстригала так, чтобы не укладывать вовсе. Чтобы родители не мешали планам, Митра говорила, что не может расчесать непослушные кудри, что, на удивление и редкость, было правдой. Одевалась Митра по последней моде, за которой с оживлением следила. Так как в Шаю редко завозили новинки, часто ездила за покупками в другие города.

К соперницам, девушкам из других аристократических родов города, Митра относилась со снисхождением. Те были слишком простыми и провинциальными. Лишь Идиллию Вои Митра признавала, так как та умудрялась не просто спорить с ней, а выигрывать в словесных битвах. Ещё Митру поражало умение той при простых и весьма скромных нарядах привлекать к себе внимание. Митра быстро сообразила, что от Идиллии следует держаться подальше и с удовольствием следовала своему же совету.

После того, как Митра составила план, она приступила к его осуществлению. Чтобы изучить местность, она часто выезжала на прогулки и ненароком забредала на территорию особняка. Было здорово, что тот не обнесли забором и не охраняли. Это упрощало задачу.

Итак, проникнуть в дом было решено через окно на первом этаже, которое часто открывали.

С помощью прислуги Митра узнала, что Елай Лорса часто гуляет, а временами уезжает из Шаи на один или даже два дня.

Чтобы Митру не поймали с поличным, она заранее подыскала сговорчивых и исполнительных служанок, которые отправятся вместе с ней к Юлиаду, будут караулить снаружи и в случае опасности подадут заранее оговоренный знак.

Предварительная подготовка прошла отлично. Осталось выбрать конкретную дату похода.

В один из дней, когда Митра с прислугой гуляла по территории Юлиада, на башне, невидимые для посетительниц, стояли хозяин дома и его верный слуга. Глей отметил, что Елай смотрит на девушку с призрением, потому спросил.

— Как поступить с незваными гостями?

— Пока наблюдай. Если произойдёт что-то необычное, доложи. Мне неясно, зачем она собирает сведения. — Елай задумался. — Кинь ей затравку и сообщи, как она ей распорядится. Так мы узнаем о её планах.

— Что потом?

— Добыча сама лезет в ловушку. Нам остаётся лишь захлопнуть крышку.

Через неделю, когда Елай наслаждался вечерней прохладой на башне, Глей поднялся к нему и доложил:

— Получив сведения, Митра Настириас искадила их и распустила по городу байки.

— Значит, она ищет информацию. Что ж, предоставим ей желаемое. Подготовь дом к визиту мисс Настириас. Уберите всё так, чтобы не было ни пылинки, чтобы глазу не за что было зацепиться, чтобы её пытливый ум оставался алчущим. В этой пугающей пустоте я расставлю цепкие акценты, которые сполна насытят жадную фантазию. — Елай с интересом посмотрел на Глея. — Чем хоть ты с неё поделился?

— Нууу, — протянул Глей. — Написал стандартное предупреждение: «Кто войдёт в Юлиад, никогда из него не выйдет».

— И какие вариации разошлись по городу?

— Что хозяин Юлиада — монстр, который планирует убийство.

— Ух ты! Девушка-то с выдумкой! — иронично заметил Елай.

— Что если горожане ей поверят?

— Чтобы ей поверили, должен кто-то исчезнуть. Пока этого не произойдёт, слухи останутся слухами.

— Что будет, если кто-то исчезнет?

— На днях я обязательно расскажу тебе об этом. — Елай улыбнулся и спустился в дом.

Глей последовал за ним: ночную прохладу, часто сопровождающуюся влагой, он не любил.

Вот, наконец, Митрой был выбран день для визита в логово скромника-одиночки. По полученным от прислуги данным, Елай Лорса с утра уехал в Уиллис и должен был вернуться назад только к ночи. Верный дворецкий, которого стоило опасаться, сопровождал хозяина и угрозы не представлял.

Митра надела платье прислуги и шляпку, чтобы её никто не признал при столкновении, проследила за нарядами помощниц, и вскоре троица отправилась в путь.

До особняка дошли пешком. Опасливо осмотрелись, но так как слежки и суеты не обнаружили, подошли к тому окну, что временами оставляли открытым. На этот раз, как нарочно, окно оказалось закрытым.

— Мисс, может, лучше вернёмся? — с надеждой спросила Литт, одна из девушек, так как не одобряла похода и боялась попасть в неприятности.

— Вот ещё! — рассердилась хозяйка, отыскала большой камень и разбила стекло.

Литт и Джил охнули и оглянулись.

— Стойте тут. Если заметите опасность, дадите знак — разобьете второе стекло. Этот звук я наверняка услышу.

Митра вложила камень в руку менее впечатлительной Джил, убрала опасные осколки, открыла щеколду и залезла в дом.

Судя по обстановке — рабочий стол, удобное кресло, шкафы с книгами, пара диванов и шерстяной ковёр — она попала в кабинет.

— Аккуратист и зануда! — вырвалось у Митры, когда она осмотрелась: сведения, за которыми она пришла, в такой обстановке найти будет трудно.

Книжка к книжке, складка к складке. В столе пусто. Ни пылинки, ни соринки, словно дом нежилой.

Митра дёрнула дверную ручку, та поддалась, дверь легко открылась.

— Хоть тут удача.

«Длинный чистейший коридор и комнаты. Что за странный дом? С другой стороны, об этой безликой пустоте можно сложить интереснейшую историю! Например, хозяин перфекционист рехнулся на почве одиночества и перебрался в глубинку, чтобы никто не узнал о его расстроенном уме», — Митра ходила из комнаты в комнату, но ничего компрометирующего не находила.

Неожиданно за поворотом она наткнулась на невзрачную деревянную дверь. Кладовка? В этот момент наверху послышались быстрые шаги. Митра не раздумывая открыла дверь и скользнула внутрь незапертого тёмного помещения.

— В доме же никого не должно быть! — возмутилась она незримому присутствию и обернулась.

Узкая полоска света помогла понять, что она стояла на краю огромного отверстия. Если выразится точнее, в комнате не было пола, лишь зияющая дыра по центру. Митра пошатнулась, прижалась к створке и попыталась выйти, но дверь не поддалась. Почему-то именно в этот момент вспомнилась предупреждающая надпись, которую она не приняла всерьёз: «Кто войдёт в Юлиад, никогда из него не выйдет».

— Глупая шутка! — крикнула Митра — в ответ тишина. — Откройте дверь!

«Интересно, сколько я смогу простоять здесь? — промелькнуло в голове. — Вряд ли долго. От напряжения руки быстро немеют, ноги задрожат, и я...».

Митра отогнала прочь негативные мысли.

Внизу в глубине кто-то то ли завыл, то ли застонал. Девушка почувствовала дурноту. Звук повторился и при этом усилился. Тишина. У Митры от страха вспотели ладони. Может, там внизу держат чудовище? Может, там логово волка-людоеда? Послышался скрежет когтей о дерево. Хриплый стон. Из темноты на Митру уставились два жутких светящихся глаза. Впечатлительная девушка потеряла сознание и упала вниз.

Литт и Джил не находили себе месте. Прошло полчаса, час, полтора, а хозяйка всё не возвращалась. Хоть опасности не было, служанки несколько раз по очереди призывно окрикнули госпожу, но ответа не получили. Горничные переглянулись. Как им быть? Бежать за помощью, пока ситуация не усложнилась? Или оставаться на месте? Хозяйка могла вернуться в любой момент. Время шло и шло, шло и шло, но ничего не менялось. С наступлением сумерек перепуганные до полусмерти служанки бросились за подмогой.

Митра очнулась и долго не могла понять, где находится, но когда сообразила, что лежит на холодном каменном полу в крошечной темноте в соседстве с чудовищем, её пробрал ледяной пот, сердце бешено застучало, голова закружилась. Она вскочила, прижалась спиной к каменной стене и замерла. Ни звука, ни движения. Может, свирепый взгляд ей причудился из-за страха? Если бы в помещении с ней был дикий зверь, он бы давно её растерзал, ведь неизвестно, сколько она пролежала без сознания.

Митра аккуратно пошла вдоль стены. Где-то же должен быть выход из каменного плена. Шаг. Пауза. Шаг. Правая рука прощупывала путь. Шаг. Нервное напряжение сковывало дви-

жения. Руки и ноги казались деревянными. Шаг. Ещё один. Остановка и передышка. Шаг. Перемещение походило на пытку. Шаг.

— Кто пожаловал ко мне в гости? — слышался позади протяжный жуткий шёпот.

Митра обмерла.

— Можешь не отвечать. Я знаю, что ты тут, я найду тебя.

Из темноты показались те самые глаза. Несмотря на кромешный мрак, казалось, что они горят. Девушка вскрикнула и не разбирая дороги помчалась вперёд, придерживаясь рукой за стену. Поворот. Поворот. Ещё один. Куда ведёт этот чёртов коридор? Поворот. Может, она бежит по кругу? Митра остановилась и перевела дыхание. Ей нужно успокоиться и понять, как спастись. Страх мешает думать, простые вещи принимаются как жуть и чудеса. Точно! Глаза у чудовища не сами горели, их, наверняка, чем-то подсвечивали. Вот и весь секрет. Детские выходки!

Митра прислушалась. Тишина. Куда же делся монстр?

Впереди слышался женский стон и усталый вздох. Из темноты показалась фигура в белом. Она медленно приблизилась к незваной гостье, а потом растаяла в темноте. Перебарывая страх, Митра подошла к месту, где исчезла женщина в белом. Может, там тайный проход? Но рука упёрлась в стену. «Меня просто хотят напугать, — думала Митра, чувствуя, как земля в очередной раз уходит из-под ног. — Меня просто...». Она повторно потеряла сознание.

Митра села. У неё не было сил, чтобы встать. Перед глазами всё тот же непроглядный мрак. Рука и нога, на которых она лежала, онемели, и теперь их неприятно покалывало. Сколько ещё будет длиться этот кошмар?

Митра медленно встала и опять пошла вперёд. Вскоре она вошла в другое помещение. Девушка поняла это по изменившимся звукам, они стали более гулкими, и по тому, что стена резко ушла в сторону.

— Мисс Настириас, как вам нравится Юлиад?

Услышала Митра голос Елайя Лорса.

— Мистер Лорса, прекратите эти нелепые игры и выпустите меня отсюда!

— Я бы рад, да, увы, это не в моих силах.

— Где вы? — Митра несколько раз порывисто оглянулась, так как голос хозяина шёл отовсюду. — Почему это не в ваших силах?

— Я умер.

— Что за чушь! Вы вполне себе живой утром уехали по делам в Уиллис.

Тишина.

— Мистер Лорса? Что за бред? Детские игры, в самом деле!

Митра пошла туда, откуда в последний раз доносился голос. Шаг. Ещё один и ещё. Девушка резко провалилась вниз и плюхнулась во что-то жидкое.

— Что это? — судя по густоте, это была не вода.

— Моя кровь.

— Что?!

— Кровь.

Митра попыталась вскочить, но поскользнулась и снова упала в жижу, забрызгав лицо.

— Это просто грязь, просто грязь! — завопила Митра, пытаясь оттереть лицо и только ещё больше его пачкая.

— Точно! — раздался чёткий голос рядом. — Это просто грязь! Мисс Настириас, вы с ног до головы в грязи.

Из темноты, бледный словно призрак, вышел хозяин Юлиада, а потом исчез так же, как до этого женщина в белом.

Спотыкаясь и падая, Митра подбежала к месту, где он исчез и упёрлась руками в холодную стену.

«Кто войдёт в Юлиад, никогда из него не выйдет. Не выйдет. Никогда, — стучало по вискам. — Ни-ког-да...». Митра потеряла сознание в третий раз.

Когда Елай Лорса подъехал к особняку, обнаружил там толпу людей во главе с четой Настириас.

— Что за переполох? — спросил мужчина, слезая с лошади и подходя к людям.

— Где моя дочь? — требовательно спросил сухощавый и злой Отис Настириас.

— Почему вы меня об этом спрашиваете? — недоумевал Елай.

— Служанки уверяют, что она вошла в ваш дом и больше оттуда не вышла.

— Простите... Я не ослышался? Мисс вошла в дом без моего ведома?

— Разве сейчас это важно? — к ним подбежала маленькая и проворная миссис Оливия Настириас. — Почему Митра оказалась у вас разберёмся позднее, сейчас же стоит найти её. Вдруг с ней что-то случилось?

— Хорошо, — спокойно ответил Елай. — Я обойду дом и если найду мисс Настириас, сообщу вам.

— Нет, — возразил Отис. — Мы вместе осмотрим дом.

— Не помню, чтобы приглашал вас. Или у семейства Настириас входить в чужие дома без спроса в порядке вещей?

— Что вы несёте? — взревел Отис. — Вы в своём уме?

— Бога ради, не сейчас! — схватила мужа за руку миссис Настириас. — Нам нужно найти дочь!

— Глей! — подозвал дворецкого Елай. — Попроси людей осмотреть территорию. Может, мисс давно покинула особняк и бродит в темноте, не зная дороги.

Глей кивнул и ушёл.

— Подождите здесь, — сказал Елай супругам. — Я обойду дом.

Митра очнулась от холода, который пробирал до костей. Она села. Коридор, в котором она находилась казался знакомым. Точно! Этот коридор привёл её в то жуткое место! Девушка вскрикнула и ошупала себя. Что за ерунда? Одежда чистая и сухая, волосы причёсаны, грязи нет.

— Мисс Настириас, это вы? — прозвучал голос, и в следующий миг Митра увидела идущего ей навстречу Елайя Лорса со свечой в руках.

— Не подходите! — Митра вскочила и помчалась в кабинет.

Вскоре она вылезла на улицу через отверстие, которое сама же проделала. Супруги Настириас бросились навстречу дочери.

— Митра, ты цела? Где ты была? — в один голос спросили родители.

В этот момент оконная рама с громким треском раскрылась и в проёме показался хозяин Юлиада.

— Ваша дочь, по всей видимости, потеряла сознание в коридоре. Вам следует обратиться к врачу. Она могла пораниться при падении.

Услышав голос, Митра в ужасе обернулась. Её глаза округлились.

— Вы же умерли! — ни с того, ни с сего сказала она.

— С чего вдруг? — спросил Елай.

— Я видела ваш призрак.

После этих слов Елай посмотрел на супругов Настириас.

— По-моему, мисс ещё окончательно не пришла в себя.

— Мам! — Митра обернулась к Глэдис. — Там есть подвал, а в нём монстр! Там комната без пола! Там кровь! Нет. Грязь. Я была вся в грязи...

— Дорогая, успокойся! Да что же это такое? — запричитала Оливия, обнимая дочь.

— Мисс, может вам приснился кошмар? — спросил Елай.

— Кошмар?.. — Митра странно и опасливо вертела головой. — Да, это был кошмар. У меня до сих пор кружится голова.

— Мистер Настириас, я рад, что ваша дочь цела и невредима, а вот моё окно повреждено. Надеюсь, вы устраните этот недостаток.

— Разумеется, — сухо сказал Отис. — Завтра я пришлю людей, и они всё исправят.

— Буду признателен. Теперь, я полагаю, мы можем разойтись?

Вскоре территория Юлиада опустела.

Через час Елай поднялся на башню и с удовольствием втянул прохладный осенний воздух. Чуть погодя к хозяину подошёл Глей.

— Надеюсь, богатая фантазия мисс удовлетворена, — устало проговорил слуга.

— Надеюсь. Вы сегодня отлично справились с задачей.

— Что теперь?

— Полагаю, вскоре у нас появятся новые визитёры. Будь начеку.

— Разве разговоры о монстрах, призраках и всякой нечисти не напугают местных жителей?

— Только распылят интерес.

— Но это лишь сон перепуганной девушки.

— Захотят проверить.

— И что им дома не сидится? — покачал головой Глей. — Если я не нужен, то я пойду.

День был суматошным.

— Иди. Я тоже скоро спущусь.

Так закончился визит Митры Настириас.

Предсказание

Когда город вдалеке притих и погасил огни, Елай поднялся на самую высокую башню Юлиада: панорамные виды притягивали взор и напоминали о дарованной людям свободе.

Ветер к ночи притомился из-за бестолковой беготни за рыже-ржавыми письмами деревьев, что они слали земле, и улёгся дремать в низинах и оврагах. Иногда он просыпался, осматривался по сторонам, грозил нарушителям покоя протяжным свистом и снова укладывался на покой.

Дымчатые облака сначала дружной толпой тянулись к северу, потом остановились, потолкались и растаяли в глубокой ночной лазури, словно и не появлялись.

Взошла полная луна и оттенила звёзды. Теперь они напоминали о себе лишь неясным мерцанием.

Тихо. Холодно.

Минут через пять поднялся Глей. Он хотел уточнить, что делать с небольшим каменным сараем, расположенным по центру башни. Предназначение постройки было неизвестно и в настоящий момент не являлось необходимым.

Услышав вопрос, Елай осмотрел помещение и снаружи, и внутри, потом вынес вердикт.

— Этот каменный мешок весьма кстати. Оставь его. Он хорошо отрезвляет ум и напоминает об истинных ценностях, особенно когда донимает эйфория.

Глей удивился, Елай пояснил:

— Он напоминает мне другой сарай, место, где в детстве мне прочищали ум. Для большего сходства притащи сюда какой-нибудь хлам и поставь пару кресел. Буду здесь отделяться от ненужных эмоций.

Глей кивнул.

Елай долго смотрел на звёздное небо, потом сказал:

— Помнишь, ты спрашивал, что будет, если кто-то исчезнет в Шае?

Глей кивнул.

— Если человек исчезнет сам по себе, то ничего не будет. Бедолагу просто-напросто забудут. Пропал, уехал, умер, — в том не будет разницы. Возможно, его будут вспоминать добрым или худым словом, в зависимости от того, что заслужил, но не более. Если же человек исчезнет при странных обстоятельствах, то тоже ничего не будет.

Глей улыбнулся тому, как построил рассказ Елай. Умел он эдак необычно всё вывернуть.

— Это почему же? — не удержался он от вопроса.

— Всеми виной страх. Размеренная жизнь и постоянство хороши с одной стороны, но опасны с другой. Глубокий омут незыблемого спокойствия нельзя тревожить. Любая встряска породит немой, но жесткий протест: ничто не должно нарушать блаженного затишья. Как только появится обстоятельство или тот, кто встряхнёт вязкую рутину, омут затянет жертву туда, где она покроется илом, обрастёт корягами и водорослями и, наконец, станет нерушимым единым с гиблым местом.

— В каком же случае шаинцы обратят внимание на исчезновение?

Елай укоризненно-выжидающе смотрел на Глея до тех пор, пока тот сам не ответил на вопрос.

— В том случае, если появится тот, кто встряхнёт вязкую рутину.

— Хочешь, я расскажу тебе то, что произойдёт со мной в этом городе от начала до самого конца?

— Видеть будущее могут только прорицатели.

— Нет, друг мой, — коротко усмехнулся Елай, — чтобы предсказывать будущее достаточно изучить человеческую натуру. Вот и всё.

— Если вы ошибётесь?

— Я бы хотел ошибиться, но, боюсь, в очередной раз попаду в точку.

— Внемлю.

— По началу местные жители захотят узнать, кто я такой и зачем поселился в их городе. Они будут всячески искать со мною встреч, приходиться к особняку, заглядывать в окна, спрашивать слуг.

— Эта стадия в самом разгаре, — усмехнулся Глей.

— Когда они удовлетворят любопытство, начнут сочинять обо мне небылицы, легенды и истории.

— Вы упустили сплетни, — подметил Глей.

— Следующий этап — сближение. Будь как мы, стань своим, — под таким девизом он и пройдёт. Далее поиск несоответствий. Что ты делаешь не так, что ты не умеешь делать вовсе, где твои грехи, оплошности, слабости? Если таковых не окажется — последуют злость и неприятие. Меня начнут осуждать за любую мелочь. Когда несоответствий соберётся достаточно, последует этап нападения. Меня постараются выкинуть из города любыми мыслимыми и немыслимыми способами. Если эти попытки не увенчаются успехом, меня постараются убить.

— На первый взгляд, местные жители не отличаются кровожадностью, — на всякий случай вставил Глей. — Пока шла реставрация особняка, они трудились с удовольствием.

— Это удовольствие от собственной значимости и труда.

— Тогда спрошу так: смогут ли они убить вас?

Елай глубоко и неторопливо вздохнул, потом ответил:

— Кто знает... Наверняка могу сказать одно, им очень повезёт, если они сделают это, в противном случае их ждёт достойная проступка кара. «Кто сеет ветер, тот пожнёт бурю». Книга пророка Осии Ветхого Завета. Глава восемь, стих семь.

— Да будет так, — наставительно добавил Глей.

— Аминь!.. — Елай основа устремил взгляд на звезды. — Глей, я бы не отказался от горячего шоколада или травяного чая.

— Через десять минут они будут ждать вас в гостиной, — отозвался слуга и спустился в дом.

Елай вошёл в сарай и сел на пол. Перед взором, как призраки из прошлого, возникали яркие образы. Мрак и одиночество хорошо прочищают мозги. Вспомнился старый и родной сарай Фуришей.

Елай поёжился, спустился к себе в комнату и сел у камина. Сейчас ему не требовалась трезвость ума, сейчас ему требовался уют, которого так не хватало в детстве.

Долгое время представители местной аристократии боялись, по понятным причинам, звать в гости хозяина Юлиада. Так незаметно прошла зима. Но интерес к его персоне рос: хотелось из первых уст узнать, что правда, а что вымысел, поэтому некоторые семьи нет, нет, да подыскивали подходящий повод для приглашения. И вот Тиберги, как самые активные и предприимчивые представители общества, нашли его.

День города — прекрасная возможность встретиться со старыми друзьями и... познакомиться с новыми. За две недели до небольшого праздника мистеру Лорса прислали приглашение.

Но Тиберги не были бы Тибергами, если бы не затеяли одну небольшую шалость, которая помогла бы обществу разобраться в гуляющих по городу слухах. За две недели до небольшого праздника миссис Илиас прислали любезное приглашение.

Семейство Тибергов состояло из шести человек. Супругов Розалинды и Жозефа, странного сочетания французского и испанского, и их четырёх детей. Двое младших Мотти и Лотти,

которым только исполнилось по пять лет, находились на попечении гувернанток и нянек и в активной жизни родителей не участвовали. Двое старших Шелли и Толь отличались веселостью нравов и болтливостью. Но старший Толь был умнее и наблюдательнее сестры, потому отлично знал, когда следует придержать язык, а вот Шелли — нет.

Розалинда была женщиной невысокой, хорошо сложенной и приятной во всех отношениях: мила, учтива, обходительна, предприимчива, где надо — настойчива, где не надо — уклончива. Главной её чертой была житейская хитрость, которой она умело пользовалась.

Жозеф был высок и сухощав. Говорил он медленно, смакуя удачно подобранные слова и выражения. Одевался он со вкусом, подчёркивая удачные, с его точки зрения, детали гардероба. Он был любителем красоты жены и ценителем её способностей. По характеру он был человеком спокойным, рассудительным и, тут в характер вкрапилась слабина, хвастливым. Как только на пороге дома появлялись гости, он непременно отмечал приобретённую качественную новинку, занимал разговорами о прочитанных им книгах или научных статьях, указывал на достижения детей, — в общем, отличался, как мог.

Толь телосложением пошёл в отца: он был худощав, но не так высок. При этом имел овальное лицо и высокий лоб. Ум унаследовал материнский, но был не столь прагматичен и предприимчив. Светлые волосы молодой человек стриг коротко, чтобы те сильно не вились, и зачёсывал назад, но непослушный чуб и пряди по бокам всё равно выбивались на волю. Внимание привлекали полные губы и прерывистые почти прямые брови. Казалось, их намеренно разделили расчёской на три части и причесали так, чтобы они не слипались. Взгляд у Толя был открытый и доверительный. Молодой человек считывал интриги других, но не интриговал сам.

В день города супруги надели лучшие наряды и с порога, как бы между прочим, шептали гостям, исключая, конечно же, Мильву Илиас, что ждут необычного визитёра. Жозеф добавлял, что именно Тибергам удалось заманить к себе того, о ком по городу ходят многочисленные слухи.

Игра супругов была опасной, гость мог не прийти, но произведённый фурор, в случае его появления, должен был компенсировать испытываемые тревогу и сомнения.

Прошло полчаса с начала праздника, но желанный гость так и не явился. Супруги заметно нервничали. Опоздания — хороший тон, но... Но вот дворецкий оповестил о прибытии Елайя Лорса, и в гостиной воцарилась согласованная тишина. Ирония судьбы, но из-за опоздания произведённый эффект оказался лучше, чем изначально готовили Тиберги.

Увидев на пороге Елайя, Мильва слегка побледнела и постаралась затеряться в толпе.

Идиллия обратила внимание на эту деталь.

Сама она была и рада, и не рада встрече. При виде Елайя у неё участилось сердцебиение, а дыхание на время замерло. Эти признаки говорили о том, что мужчина ей интересен. С каждой новой встречей отрицать этот факт становилось всё трудней. Долгая зима слегка охладила интерес, но вот они встретились вновь. Натерпелось поздороваться, завести диалог, остаться наедине... Однако, в сердце жила опаска, что близкое знакомство не сулит ничего хорошего.

Мейбл Додди, дочь профессора, была необычайно мила и походила на ангела, случайно оказавшегося в миру. Её отличали большие широко распахнутые голубые глаза, плавные и мягкие черты лица, пышные волнистые каштановые волосы, округлые длинные брови, маленький рот и нос. Но был у Мейбл маленький недостаток, который многими мужчинами недостатком не считался, — это наивность.

Необычный гость заинтересовал девушку, и она намеренно, пока основная масса гостей танцевала, с ним сблизилась. Она заметила, как Елай, при упоминании танцев, ускользнул в маленькую гостиную, и последовала за ним.

— Вы не любите танцевать? — услышал Елай высокий девичий голос и обернулся. — Я люблю танцевать, но у меня пока плохо получается, — честно призналась Мейбл и села в кресло.

Елай опустил в кресло напротив и улыбнулся.

— О вас по городу ходят слухи... — Мейбл задумалась. — Они правдивы?

— Что если да?.. — загадочно спросил Елай: ему была интересна реакция.

— Люди начнут вас избегать.

— Как вы? — не удержался от иронии собеседник.

— Мне тоже придётся ограничить общение с вами.

— Что же вам мешает сделать это уже сейчас? — Елай надеялся, что девушка разозлится и уйдёт.

— Вы — необычный человек. Любопытство не даёт мне покоя. Вот я и решила поговорить с вами.

Елай поддался на соблазн.

— И как далеко вы хотите зайти? — взгляд мужчины стал опасно мутноватым, но Мейбл не заметила этого.

— Ну, пока не пойму, что к чему, — нашлась девушка.

— Как интересно...

На пороге появилась Идиллия. Её красивые, холодные, точёные черты лица и наблюдательные глаза, за которыми скрывался незаурядный и пытливый ум, в мгновение ока отрезвили Елайя. Он облегчённо вздохнул.

— Мисс Вои, вы как нельзя кстати.

— Вижу. — Идиллия недобро улыбнулась Елайю и приветливо Мейбл.

— Мисс Додди, мне кажется, отец потерял вас из виду. Думаю, ваше внимание будет ему приятно, — мягко сказал Елай.

— Да, пойду посмотрю, как он там. — Девушка поспешно вышла.

— Это было прямолинейно и грубо, — заметила Идиллия.

— Лишь для того, кто умеет читать между строк, мисс Вои. И в данном случае прямолинейная подтекстовость кстати. Не пойму лишь, в чём вы усмотрели грубость?

— В ненавязчивом, но ловком умении отделаться от собеседника.

Елай ничего не ответил и указал Идиллии на кресло. Она же намеренно села на диван: быть чьей-то заменой в её планы не входило. Какое-то время оба молчали.

— Как думаете, зачем меня пригласили? — спросил Елай.

— Очевидно же. Им не даёт покоя визит Мильвы Илиас в Юлиад. И... супруги Тиберг смогут похвастаться тем, что первыми заманили вас.

— Как же визит мисс Долиш?

Мужчина спросил об этом так буднично, что Идиллия, которая и до этой поры сомневалась в правдивости слухов, уверилась в своих догадках окончательно. Она усмехнулась.

— Любой здравомыслящий человек сообразил бы, что не в вашей манере действовать топорно и грубо. К тому же, мисс Долиш неоднократно уличали в передергивании фактов, пусть более мелких, но всё же. Так же в вашу пользу свидетельствуют слова доктора. Ну и, наконец, сами Долиши всеми возможными способами, ведь их дочь накануне замужества нуждается в чистой репутации больше вашего, обеспечивают вам защиту. — Идиллия намерено выдала доводы в таком порядке, чтобы на первый план вышло её осмысление ситуации и только потом факты, а не наоборот.

— По осени вы меня уверяли, что слухи редко бывают беспочвенными.

Идиллия прекрасно помнила о той ошибке, которую совершила на эмоциях. Она никогда не обращала внимания на слухи, всегда руководствовалась собственным мнением, которое составляла о человеке по ходу знакомства, но в тот злополучный день она была слишком взвинчена, чтобы здраво мыслить. В ту встречу она испугалась не столько Елайя, сколько себя, а потому нашла глупую отговорку и провела между ними черту.

Девушка не знала, как себя повести, сознаться в глупости или выкрутиться из ситуации, и потому тянула с ответом. Возникла напряжённая пауза. В этот момент Идиллии казалось, что она чувствует каждую мышцу, каждую часть своего тела, слышит все мысли одновременно. Но она не могла показать собеседнику то напряжение, которое ей владело, а потому лишь с силой сжала платье той рукой, что лежала на диване.

Секунда. Другая.

— Тогда я сделала несвойственный мне поспешный вывод.

Елай прекрасно осознавал, чего стоит признать ошибку, потому поступок оценил и вернул разговор в прежнее русло.

— Вернёмся к причине моего визита. Вы перечислили те, что лежат на поверхности, а меня интересуют скрытые.

Пока он говорил, Идиллия облегчённо, едва заметно выдохнула.

— Есть скрытые мотивы?

— Если бы я сидел в гостиной Долишей, сомневался бы в этом, но у Розалинды Тибберг не всё так однозначно.

Идиллия поразились тому, как быстро Елай просчитал женщину.

— Ваши предположения.

— Сижу, голову ломаю. Хотел взять вас в помощницы.

Идиллия задумалась, потом предположила:

— Если говорить о долгоиграющих планах, возможно, она хочет женить вас.

Елай удивлённо вскинул брови.

— Вы богаты и...

— Эта женщина слишком осторожна, чтобы выдавать дочь за незнакомца.

— Поэтому я сказала «долгоиграющие планы». Сначала собрать сведения, а потом... Или поставить Мильву Илиас в неудобное положение. В последнее время она ведёт себя слишком раскрепощённо. С вашей помощью они смогут приструнить её.

— С чего вдруг? — в голосе собеседника проскользнул интерес.

— После визита в Юлиад миссис Илиас ведёт себя не просто сдержанно, а чопорно. Пытливый ум миссис Тибберг не мог не подметить перемен.

— Кто устроит допрос? — весело спросил Елай.

— Кто-то вроде Мейбл. Её трудно обвинить в злонамеренье.

— Предсказание грамотное. Ну, а моё... Через пару минут сюда заглянет миссис Тибберг. На пороге, как по волшебству, появилась Розалинда.

— О, мистер Лорса, Идиллия! Вы тут одни?

— Мисс Вои рассказывала, как любит бывать у вас в гостях. — Елай умело увёл разговор. — Она отметила, что вы — радушная хозяйка, которая умудряется всегда потрясающе элегантно выглядеть и безошибочно угождать гостям.

Идиллия от удивления открыла рот. Елай сделал жест бровями: разве не так.

— О, дорогая, спасибо за столь приятную характеристику! — Глаза Розалинды радостно заблестели. — Если вам что-нибудь нужно, только скажите. Удовлетворенность гостей и их комфорт для меня в приоритете. Не буду отвлекать вас, пойду проверю, как остальные. — Она вышла.

— Не слишком ли слащаво? — заметила Идиллия.

— Слова лести пришлись ей по вкусу.

— То, что проверили обстановку, не удивительно, но почему вы поставили на миссис Тибберг?

— Её супруг для тонких словесных игр слишком прост и медлителен. Шелли слишком болтлива. Не пройдет и пяти минут, как она забудет, зачем её прислали и передаст пару-тройку сплетен, полученных от Милдред Воади. Толь слишком самовлюблён. Он всё разузнает, но

вместо того, чтобы доложить об обстановке, останется поддержать беседу и поведать о собственных приключениях.

— Впечатляет! Вы всех шаинцев изучили? Тогда, что дальше?

Послышалось несколько аккордов.

— Вы поёте? — спросил Елай.

— Иногда.

В этот момент дверь открылась и вошла довольная и весёлая Мэсси.

— Идиллия, Шелли и Игим просят тебя спеть. Они разучили разные мотивы и песни в четыре руки.

Идиллия с нескрываемым любопытством смотрела на собеседника. Да, она тоже слышала звуки фортепиано, но почему он решил, что её позовут петь? В ответ Елай загадочно улыбнуться.

— Но как же поздний час? — этот вопрос-сопротивление она задала сестре.

— Миссис Тиберг сказала, что благодарит Бога за то, что мы живём в не в столице, где полно соседей за тонкой стенкой.

— Вряд ли из этого выйдет что-то путное, — заметила Идиллия, поднимаясь.

В большой гостиной шёл оживлённый спор о музыке и мюзик-холлах. Профессор Додди, коренастый мужчина с пышными чёрными бородой и усами, в споре не участвовал, а тихо напевал себе под нос старинную балладу. Мейбл, Шелли, Толь и Игим, стоя у фортепиано, решали, что стоит исполнить. Милдред и Лэсси шушукались у окна.

Идиллия с Мэсси прошли к инструменту, а Елай сел на диван в отдалении. Так как он обладал хорошим слухом, разговор между подругами у окна не стал для него секретом.

— Ты слышала о студентах, живущих у Додди? — спросила Лэсси.

— Впервые за долгое время город посетили чужаки, — заметила Милдред. — Заметь, Мейбл о них ничего не говорит.

— Не удивительно! Сколько внимания ей одной!

— Намекаешь, что она не так наивна, как кажется?

— Наивность бывает полезной, — подтвердила Лэсси. — К примеру, можно забыть, когда перестанешь быть девицей!

После этой хлесткой ремарки девушки залились смехом, но заметив заинтересованный взгляд миссис Тиберг, чинно оправились и вскоре разошлись.

Мейбл поймала взгляд миссис Тиберг, подошла к Мильве Илиас, взяла ту под руку и подвела туга, где собралась основная масса гостей. Елай с Идиллией многозначительно переглянулись: время пришло.

— Миссис Илиас, говорят, вы одна из немногих, кто побывал в особняке мистера Лорса. Он — человек скрытный и малоразговорчивый, на вопросы отвечает с неохотой. Расскажите о своём визите. Правда, что в доме есть река? И почему вы вошли в дом в одном наряде, а вышли в другом?

В гостиной воцарилась напряжённая тишина. Миссис Тиберг ликовала: Мейбл отлично справилась с задачей, лучше неё никто не смог бы задать столь пикантный вопрос в лоб.

Мильву Илиас трудно было застичь врасплох, но прямолинейность всё же внесла свою лепту. Женщина слегка покраснела, потом побледнела, коротко взглянула на Елайя, на лице которого невозможно было угадать эмоции, и тут же отвернулась. Секунда, другая. Мильва взяла себя в руки.

— Мистер Лорса, а мы с вами по осени разворошили пчелиный рой. — Она весело улыбнулась. — Кто бы подумал, что простой визит наделает столько шума!

— Он вызвал интерес? — удивился Елай.

— Раскроем секрет или заставим шаинцев мучиться и томиться в догадках до конца дней? — заговорщицки зашептала Мильва так, чтобы её все слышали.

— На ваше усмотрение, — совершенно равнодушно ответил тот.

— Мне кажется, смена наряда самая острая игла в стоге сплетен, куда мы с вами по неволе угодили. Дорогие гости, всё гораздо проще, чем кажется. Прежде замечу, что не я одна сменила наряд при посещении особняка мистера Лорса. Мы с мисс Долиш оказались одинаково неудачливыми. Оранжевая в Юлиаде хороша, но коварна и опасна. Гладкая подошва туфель отменно скользит по покатоному берегу Узы. Не успела я насладиться видами, как оказалась в реке. Ехать домой в подобном виде было бы курьёзней, чем принять помощь и переодеться в сухое.

— Да, история куда прозаичней, чем её рисуют! — весело заметила Мариса Осэт.

В этот момент Розалинда Тибберг ненавидела подругу всеми фибрами души. Она так старательно свела участников истории, так ловко столкнула их, так грамотно подучила Мейбл, так накалила интерес, а Мариса одной фразой перечеркнула все её старания. Если бы только ей дали возможность задать пару скользких вопросов, если бы только дали повод уточнить детали...

Словно угадав недобрые мотивы миссис Тибберг, у которой от азарта и злобы разгорелись глаза, Елай неожиданно спросил Мейбл:

— Мисс Додди, вы часто общаетесь со студентами отца?

— Что вы? — охнула девушка. — Отец заселил их в отдельный флигель на краю усадьбы. Им запрещено свободно гулять по территории, только по поляне и пролеску возле жилища.

Елай как бы невзначай посмотрел на Лэсси и Милдред и тут же отвернулся. Те пристыженно поджали губы.

— Это я на старости лет согласился на авантюру, — пришёл на поддержку дочери отец. — Раз преподавать бросил, значит бросил, а мне всё лавры покоя не дают, — пошутил он. — Вот, решил поскрипеть костями.

— Говорят, вы преподавали в престижном университете. Неудивительно, что вас просят читать лекции, — заметил Ронди Вои, который любил обогащать ум знаниями.

Идиллия посмотрела на отца и в очередной раз подивилась тому, как они с мамой непохожи: её всегда удивляло, как два столь разных человека сошлись и, более того, умудрялись жить вместе. Мягкость и внешняя сговорчивость матери так контрастировали с жесткостью и упрямством отца. В его лице легко угадывались чёткие, а не плавные черты: прямоугольный овал лица (благодаря чёрным волосам он хорошо считывался), прямой узкий нос, широкий подбородок и ровные губы. Брови отца походили на чуть покосившиеся крыши домов. Видя их, Идиллия всегда вспоминала о домашнем уюте. Взгляд у отца, несмотря на взрывной нрав, был спокойным. Мягкость зелёных трав в его глазах призывала к отдыху.

Идиллия знала, что пошла не в мать, а в отца, и это отчего-то ей нравилось.

Розалинда понемногу остыла: разговор слишком далеко ушёл от её первоначальных планов, возвращать его в прежнее русло было рискованно и опасно.

Намерено ли или случайно, но Елай Лорса сел именно в ту позу, в которой сидел в кресле, когда Мильва приходила к нему в гости. Женщина почувствовала себя обнажённой и уязвлённой, потому проверила хорошо ли застёгнут высокий воротничок на платье и, убедившись, что все пуговицы на месте, расслабленно вздохнула.

Спустя полчаса гости рассредоточились по интересам и по помещениям.

— Я вас ненавижу, — процедила Мильва сквозь зубы так, чтобы её услышал только мужчина.

— А я думал, вы любите пить чай *в моём присутствии*, — в тоне Елая прослеживались саркастические нотки.

Мильва фыркнула и ушла в другую комнату.

Идиллия, которая весь праздник с интересом наблюдала за мистером Лорса, не слышала диалога, но мизансцена подсказала, что, во-первых, миссис Илиас собеседника не жалуется, во-вторых, между ними произошло нечто большее, чем было официально озвучено.

— Почему вы решили, что меня позовут петь? — она подседа к Елайю.

— Миссис Тибберг знает, что сыграть на инструменте смогут многие присутствующие, а вот спеть — нет.

— Но меня позвала... — начала Идиллия, но осознала правоту собеседника и продолжать фразу не стала. — Но зачем она вытащила меня из малой гостиной?

— Возможно, беспокоилась. Ведь ваша мать — её подруга. Или, — Елай посмотрел на миссис Вои, — указание дал другой человек.

Идиллия проследила взгляд и улыбнулась: мама всегда умудрялась командовать семейством незаметно для окружающих.

Мягкие овал лица, почти идеальный овал, дугообразные брови, мягкие губы, мягкие непослушные завитушки, которые Идиллия умудрилась не унаследовать, мягкий взгляд, мягкий голос, — окружающие воспринимали Жюль Вои, как очень милого, сговорчивого и доверчивого человека, но дочь прекрасно знала об истинном нраве матери. Да, Жюль Вои была и добра, и мила, и сговорлива, и доверчива, но в меру. Если же обстоятельства или человек задевали её интересы, или грозили её внутреннему спокойствию, она ошетинивалась и становилась... Нет ни колкой и дерзкой, а по житейски сообразительной, напористой и предприимчивой. Главное, чтобы была цель, а путь к ней она проложит.

— Вполне допускаю, — призналась Идиллия. — Вмешательство Мейбл порадовало меня сегодня. Хоть и косвенно, но она посодействовала краху сплетен, окружающих вас, и избавила меня от пения. — Идиллия слегка поджала губы, так как опять сболтнула лишнее.

— Вы не любите петь?

— Люблю. Но атмосфера сегодняшнего вечера к пению не располагает.

— Вечер довольно мирный, — возразил Елай: ему было интересно услышать, как поёт девушка.

— Вас трудно обхитрить, мистер Лорса. Виновата не атмосфера вечера, а моё внутреннее состояние. Человек поёт с удовольствием тогда, когда хочет, а не тогда, когда его заставляют. Вот где подвох. Вы любите петь?

Елай задумался.

— Скорее свистеть.

— Но это же неприлично! — наигранно возмутилась Идиллия, веселясь при этом.

— Птицы в лесу этого не знают и охотно отзываются на подобный призыв. Надеюсь, мисс Вои, моё увлечение останется секретом.

Идиллия кивнула и тут же попросила:

— Предскажите что-нибудь.

Елай долго молчал и смотрел на неё, потом сказал:

— Боюсь спугнуть удачу. Как думаете, мисс Вои, мне должно повезти?

— Если бы я могла, то посодействовала бы этому.

Взгляд мужчины стал задумчивее, в нём отразилась печаль, но на губах застыла улыбка.

— У меня же есть ещё одно предсказание: теперь мы будем чаще видеться, ведь Тибберги открыли для вас двери многих домов.

Елай понимал, что девушка права, но он не знал, радоваться ему или нет, сможет ли он переступить прошлое, чтобы с лёгким сердцем порадоваться будущему.

Говорят, прошлое — предсказатель грядущего, ведь именно опыт делает людей такими, какие они есть.

Ранним утром, сидя дома у камина, Елай провалился в то время, когда его опыт обогатился, когда он стал тем, кем стал.

Волчонок

— Этот мелкий гаденыш опять куда-то забился, — недовольно крикнул Сид, откидывая в угол толстую палку.

Лысый мужик с мощной челюстью и узким лбом, чем-то похожий на разъярённого быка, громко топая, прошёл из тёмной прихожей с двумя небольшими окнами в тёмную довольно просторную кухню и застыл напротив жены. Казалось, что из его ноздрей вот-вот повалит дым.

— Под сараем смотрел? — спросила жена, быстро орудуя скалкой и поглядывая на чугунную плиту, где варился суп.

Ядла Фуриш, низенькая сухошавая женщина с тонкими русыми волосами, убранными в тугой пучок, злым взглядом и впалыми щеками, несмотря на грозный вид мужа, несколько его не боялась. Подруга в детстве рассказывала ей историю про кукол на веревках. Дёрнешь за нить, и игрушка скачет, как надо. Ядла могла поклясться, что в её руках было достаточно нитей.

— На коленках ползать охоты нет, — отозвался муж. — Вылезет, получит. Дерзкий сопляк! Ремень отцовский умыкнул. Не ребёнок, а мученье! И зачем ты его приютила? Такому в приюте самое место!

— Мозгами поскрипи и припомни, зачем я его в дом привела, — зло оскалилась Ядла. — Сестрица деньги не мне, а сопляку оставила. Отдадим племянника в приют, ни копейки не получим, а так — доход есть.

— Нам с ним теперь всю жизнь возиться?

— Как только деньги закончатся, проводим родственничка до ворот, а пока пускай живёт. Одно хорошо — хилый он, ест мало.

— Зато под ногами то и дело крутиться. Уши, как лопухи. Не успеешь что сказать, он знает. Сболтнёт где лишнее, что тогда делать будем?

— Этот паразит не дурак. Думаешь он не знает, что за донос получит?

— Дурак, не дурак, а страх крепко меня за грудки держит. — Сид схватился за грудь. — Может, ему язык подрезать? Так покойней будет.

— Своего заведём, так же трепать станешь, так же бояться будешь?

— Свой — это свой, а этот — приبلудный! Нашла что сравнивать. Мы с тобой даже не знаем, чей он. Папаша-то до смерти сестрицы твоей так и не показался. Без роду он, без племени. За что я чтить его должен? Глаза страшные и чёрные, как уголь. Взглянет — меня дрожь берёт! Чертёнок мелкий, чтоб на белом свете ему жилось коротко!

— В том-то и проблема, что роду он непростого. Как думаешь, откуда у сестрицы капитал? То папаша от сына откупился. Отсюда и норы у мальчика отчаянный: дух силу чует. Пока он не вырос и не окреп, отделаться от него надо. Силы наберётся, нам с ним не совладать.

— Да он против меня — вошь мелкая! Комар-кровопийца!

— Тело с духом не ровняй. Тельце у мальчика хилое, а взгляд звериный. Чую в нём силу лютую.

— Нагнала страху! — намеренно презрительно произнёс Сид, а сам осмотрелся в поисках палки, которую недавно бросил в углу. — Дух у него, может, и сильный, а тело погубить — два крепких удара.

— По второму кругу пошли. — Ядла опустила скалку и гневно посмотрела на мужа.

Сид быстро вышел и громко хлопнул дверью.

— Что за бестолковый нрав, — покачала головой жена и вернулась к работе: тесто вышло крутое, никак не хотело поддаваться, да и суп требовал внимания.

Несмотря на то что прошло много лет, Елай помнил этот разговор от слова до слова. Ни тетя, ни дядя не знали, что в тот раз он сидел под полом, и их голоса звонким эхом расходились в гудевшей от боли голове.

Елай пригубил вино, всмотрелся в тёмно-фиолетовую водянистую муть, почувствовал, как по телу пробежала тёплая волна, поставил бокал и перевёл взгляд на огонь, мирно потрескивающий в камине. За этот уют он заплатил дорогую цену. После смерти его ждут все муки и круги ада, если он, конечно, есть, а посему, пока можно, стоит насладиться покоем и комфортом, придаться, пусть не приятным, но полезным воспоминаниям.

Дядя Сид из-под полы торговал алкоголем и оружием. За первое могли посадить года на три — четыре, а вот за второе грозила верная смерть. Вот причина, по которой дядя всю жизнь трясся, как осиновый лист, и боялся ребёнка, который мог его выдать.

Тетя Ядла прикрывала его деятельность, создавая видимость бедных крестьян, живучих непосильным трудом. Вся в делах, заботах, в пыли, грязи, мукé, она никогда не жила в удовольствии. Все деньги, что шли от продажи запрещённого товара, хранились в подполе под деревянным настилом с картошкой.

По иронии судьбы Елай узнал о деятельности дяди по его же вине. Прячась от побоев, он нашёл склад с оружием. Будучи сообразительным ребёнком, Елай никому о находке не рассказал, но и забывать о ней не стал. Тем же способом он отыскал место хранения денег.

Елай не понимал, почему имея приличный доход, тетя приютила его. Неужели это проявление жадности в её гнусной красе? Или же содержание, которое назначила ему мать, было столь велико? Интересно, как бы сложилась его судьба, если бы мать выжила. Стал бы он жизнерадостным и беспечным ребёнком, таким, какими были многие его сверстники? Или же жизнь и судьбу не обманешь? С матерью было всё более или менее понятно, а вот с отцом... С одной стороны, Елайю было любопытно, кто он. С другой, он никогда не жаждал с ним встретиться. Зачем? Закидать упрёками? Глупо. Отомстить? Нет смысла. Усовестить? Бесплезно. Предложить себя в качестве подарка к старости? Смешно. Стать друг для друга опорой? Бредово. Как ни крути, их пути не пересекались.

Елай подкинул в огонь пару чурок и вспомнил, как спас дядю от смерти, забрав из тайника всё оружие. В момент проверки, когда блюстители закона проводили обыск в доме, и в сарае, и в хранилище, дядино лицо столько раз поменяло выражение, что и не счесть. Но Елай помнил их все, так как издавек с упоением смаковал эти изменения. Сначала на лице мужика проступило выражение ужаса, которое перешло в удивление и радость, потом в смятение и опаску, далее последовали растерянность и беспомощность, затем возникло едва сдерживаемое раздражение, догадка, тихий гнев и, наконец, беспомощность.

Сид никогда не узнал, кто разорил его хранилище, но каждый раз изрядно набравшись в кабаке, благодарил проведение за спасение от верной смерти. Чтобы возместить убытки поставщикам, он отдал почти все сбережения. Не узнал Сид и том, кто на него донёс. И это тоже спасло ему жизнь, ведь узнай он об этом, кинулся бы мстить, и это привело бы его к верной смерти. Банда, на которую работал Елай, свидетелей не оставляла.

Елай ярко помнил ещё три сцены из детства, и в настоящий момент они одна за другой пронеслись в голове.

Первая сцена — это момент, когда тетя привела его к себе домой.

Елайя поразил сначала внешний вид дома (одноэтажный, серый и обшарпанный), а потом его скудное убранство. В тёмной прихожей — обувница и вешалка, в кухне — чугунная плита в нише с убранством в виде посуды, буфет тёмного дерева, стол с четырьмя стульями, и лавка с этажеркой, в комнате — шкаф, кровать за ширмой, стол, два стула и два кресла, в комнате с большим окном — сундук. Печь, которая топилась с кухни, располагалась посередине дома так, чтобы все четыре помещения получали тепло.

Они с тёткой прошли в кухню.

— Ты кого в дом притащила? — Сид, который в это время у наслаждением ел кусок мяса, указал подбородком на мальчика, стоявшего рядом с тётёй.

— Это Елай — твой племянник. Он теперь будет жить с нами.

— Кто так сказал?

— Сид, тому есть причина, — чуть повысила голос Ядла. — Я тебе завтра всё объясню.

— Иди-ка сюда, малец. — Сид поманил к себе мальчика.

Елай медленно приблизился к дяде.

Тот с размаху ударил его по лицу и, когда тот отлетел к стенке, осипло охнул и взвыл от боли, громко рассмеялся.

— Привыкай к новой жизни, сопляк, и, если ты мужик, не вопи. Не хватало тут ещё с утра до ночи рёв и стон слушать. Уйми этого чертёнка, — обратился муж к жене.

— Вставай, иди за стол, — тетя помогла мальчику подняться и проводила его в кухню. На своё счастье, она не видела глаз племянника, между тем они горели лютой ненавистью. — Вот тебе кусок хлеба с солью. Ужин отмененный для того, кто целый день во рту маковой росины не держал.

Елай проглотил слюну, но хлеб не взял.

— Можешь есть, можешь не есть — дело твоё. Я особый стол собирать не стану. Запомни. Не поел вовремя, твои проблемы. Помрёшь с голоду — закопаю под первым попавшемся камнем. Понял?

Елай взял протянутый кусок хлеба.

— И чего старуха помереть вздумала, — в сердцах вырвалось у женщины, но потом она вспомнила про деньги, положенные за мальчишку, и исправилась: — Мать тоже мне! Все деньги себе заграбастала, дочери ни слова не сказала. Вот и считай её родной после этого, — следующую фразу она адресовала Елайю. — Что столбом стоишь? Я тут всю ночь торчать не собираюсь. Если через минуту ужин не съешь, пойдёшь спать голодным.

Племянник откусил кусок и быстро прожевал его. Через минуту от хлеба не осталось и следа.

— Теперь ступай. Когда похолодает, будешь жить в коморке, а пока спи на топчане в сарае. С краю у входа на гвозде тулуп висит. Кинь на доску — вот тебе и матрац. Понял?

Елай прежде не знал, что дети спят в сараях на каких-то топчанах. Да и слово тулуп было незнакомо.

— Что стоишь, как вкопанный? — рассердилась тётка и подтолкнула мальчика к выходу. — Иди уже.

— Я пить хочу, — тихо, но внятно произнёс он.

— Во дворе колодец.

— Зачем ему колодец? — хихикнул Сид. — После дождя в любой луже воды в достатке. Пей — не хочу.

После этой фразы Елай осознал, какая жизнь уготована ему в этом доме. Он вышел.

Колодец стоял шагах в двадцати от дома, если идти по прямой, дальше небольшой огород, дорога и густой лес. По левую сторону от сарая высилась куча дров. За ней просматривались соседние дома, в которых сейчас мерцал тусклый свет.

Первая ночь, которую Елай провёл в сарае, запомнилась навсегда, словно этот момент выжгли в памяти, как клеймо на лбу преступника (об этом чудовищном действии ему читала бабушка). Разница была лишь в том, что он никогда не нарушал закон.

Для ребёнка, привыкшего к чистоте, доброте и заботе, отсыревшее к ночи помещение, показалось зловещим подвалом, ведущим в ад. Елай долго стоял на пороге и, прищурившись, вглядывался в темноту. В углу находился большой квадратный предмет, походивший на диван, рядом впритык приютился низкий то ли пуф, то ли стол. Непонятные очертания неизвестных

предметов походили на чёрных призраков, явившихся из загробного мира по заблудшую душу. Мальчик поёжился, прихватил с вешалки первую попавшуюся тёплую одежду, укутался в неё с головой, забрался с ногами на диван, забился в угол и притих. Спать в жутком месте не хотелось. Любые шорохи настораживали и пугали, любой звук с улицы заставлял съёживаться.

Постепенно глаза привыкли к темноте, и невзрачный мир проявился. Серые призраки ожили, длинными руками-щупальцами, сотканными из мрака, потянулись к жертве, зашипели и заскрипели на разные лады, наконец, протяжно завывли, проникли в самые отдаленные уголки души и встрепенули страхи, которые опрокинули сознание в пучину детского отчаянья. Нет ни просвета, ни попытки к сопротивлению, ни желания жить. Апатия. Пустота. Бездна...

Порыв ветра настезь распахнул дверь, та с силой ударилась о стену. Елай вздрогнул — оцепенение исчезло.

Мальчик не хотел вылезать из-под тёплой одежды, но проникший в помещение ветер будоражил и неприятно щекотал не укрытые лицо и ноги.

Чувствую дрожь во всём теле, он подскочил к двери и уже собрался захлопнуть ту, как замер на пороге. Природа приоткрыла занавес и показала одно из своих чудес. Перед взором предстала череда мутно-белёсых теней, которые в одно мгновение расступились и обнажили недостижимое бездонное звёздное небо, наполненное сверкающими сокровищами. Любой пират был бы безмерно рад заполучить подобное богатство, но ирония заключалась в том, что он вряд ли когда-нибудь узрит его.

Несмотря на неумную дрожь, Елай вышел на улицу, раскинул руки и несколько раз вдохнул и покрутился. Млечный путь превратился в резво крутящуюся часовую стрелку, которая не показывала времени.

Белёсая муть, словно чувствуя чрезмерную эйфорию наблюдателя, спрятала от взора свою магическую суть, напомнив о рутинности и суровости бытия.

Елай поёжился, заскочил в сарай, захлопнул дверь, прихватил с вешалки старое шерстяное покрывало, укутался и уселся на прежнее место. Чтобы больше не видеть ночных призраков, сотканных из тревог и страхов, но закрыл глаза и погрузился в убаюкивающие и соблазнительные объятия воображения. Там, в глубинах неизведанного мира, можно быть кем угодно и жить по своим правилам.

Как ни силился Елай, но заснуть в ту ночь он так и не смог. Виноват ли в том был холод или нескончаемые переживания из-за неизвестности, он никогда не узнает, да и знать не хочет. За каких-то жалких шесть-семь часов он отбросил прочь ненужные в этом месте чувства доброты, понимания и отзывчивости, а на их место пустил жесткость, гнев и неприязнь. Так как мальчика в Блэкшире никто не знал, никто не обратил внимание на перемены, на то, что вошёл в сарай один ребёнок, а вышел другой.

Вторая сцена — день рождения Сиды.

Тётя Ядла, играя в добропорядочную жительницу провинциального городка, временами позволяла себе побаловаться нажитым добром, но делала она это с опаской, потому закупки к праздникам совершала постепенно.

Тот раз исключением не стал. Неделю тётка гоняла племянника то в одну, то в другую лавку, настаивая на том, что покупать всё в одном месте глупо и неразумно, вдруг торговцы, прознав, что у них завелись деньги, поднимут цены.

К тому времени Елай уже привык к образу жизни родственников, потому просто выполнял поручения, не задавая лишних вопросов. Он был только рад лишний раз уйти из дома и пошатаваться по улицам Блэкшира.

В среду, в свой день рождения, дядя встал в приподнятом настроении, а потому проигнорировал племянника, чему тот был несказанно рад: получать оплеухи во время еды то ещё удовольствие.

Мужик-здоровяк всё утро изображал примерного семьянина, а потому заставил Елайя делать вместе зарядку. Несколько раз Елай пытался ускользнуть от его наблюдательного взора, но всё впустую. Дядя хватал его за шиворот, встряхивал, ставил на место и говорил:

— Сопляк, когда взрослые чему-то тебя учат, ты должен ловить каждое их слово, а не помышлять о побеге. Будешь дёргаться, проведёшь весь вечер в подполе. Понял?

Елай сжал зубы и послушно проделал серию показываемых дядей упражнений.

— Не будешь заниматься, останешься доходягой, — по-своему подбадривал его Сид. — Ядла, подкинь там ему что-нибудь съестного в честь праздника! — крикнул он жене, возившейся в кухне с мясом.

К обеду подтянулись гости.

За семь лет, проведённых в семействе Фуришей, Елай выучил их окружение досконально.

Итак, лучшим другом Сид считал толстого и жадного Шарги, ведь именно он надоумил заняться подпольным делом. Толстяк же дядю терпеть не мог, видать, оттого и дельце подкинул — хотел подвести под статью, и приходил только чтобы слегка позаигрывать с тётушкой. Роста мужик был среднего, волнистые волосы мыл редко, много болтал и до ужаса боялся любой боли: трясся и от пореза, и от ушиба.

Дальше пришли супруги Заис. Высокий, глупый и смешливый Мед с белёсыми волосами и его злая и капризная жена Герда с копной спутанных рыжих волос, взбитых в подобие причёски.

Затем подтянулась ещё одна странная парочка. В семействе Глостеров на первом плане была развязная смуглая толстушка Делди, а на втором её безэмоциональный бледный муж Гурни.

Елай обрадовался, что в этот день не появилась наглая дылда Берта, которая любила доставать его глупыми и пошлыми шутками, над которыми обязательно надо было смеяться.

— Это наш Елаюшка. Он примерный и послушный мальчик. — Ядла зачем-то в очередной раз представила племянника, словно гости видели его впервые, а потом умело выпроводила его. — Ты ведь хотел сбегать в лавку к старику Волли за хлебом.

Елай еле сдерживался, чтобы не ударить тётку по той руки, что его гладила. У двери Ядла дала ему деньги со словами:

— Попробуй обернуться за час, а лучше за три.

То был случай, когда Елай с удовольствием выполнил просьбу. Была бы его воля, он бы вообще не возвращался.

Но, к сожалению, наступал момент, когда гости уходили. Уставшая тётка, которой предстояла уборка, племянника особо не трогала, а вот изрядно подвыпивший Сид любил подураться и позадирать его.

— Паршивец, не слишком ли ты сегодня свободно себя вёл? — накинулся он на Елайя, как только тот переступил порог.

Предчувствуя бурю из-за задержки поставки, о которой напомнил толстяк, Елай предусмотрительно попятился к двери: главное выскочить на улицу.

— Куда собрался? — рявкнул Сид, так как надо было на ком-то отыграться.

Елай, понимая, что не успеет убежать, ринулся в кухню, схватил нож и приготовился к драке.

Сид ошалел. Поза мальчишки, то как он держал нож и прикрывался, походила на позу вояки, закалённого в драках, а не на забитого или беззащитного ребёнка. Но главное было то, как враждебно и остро смотрел племянник. Что за зверь цепной? Эти две детали заставили здорового мужика отступить.

— Ишь, чего удумал, на дядьку с ножом бросаться! Кто ж тебя выучил этому, паршивец?

Елай не двигался с места до тех пор, пока мужик не отошёл на безопасное расстояние. В этого дня он везде и всегда носил с собой нож.

Третья сцена — сцена после встречи с Шакалом. В тот день Елай решил навсегда уйти от родственников.

Он не собирался сообщать тёте и дяде о своём решении, он хотел просто исчезнуть из их никчёмной жизни. Потому наблюдал и ждал подходящего момента, когда о нём забудут или намеренно выгонят. И вскоре такой шанс выпал.

В ранее субботнее весеннее утро Сид во время завтрака заигрывал с женой. Временами случались с ним такие нежные порывы. Ядла же на его потуги не обращала внимания и занималась домашними делами. Эти немые сцены веселили Елайя.

— Ну, может мы с тобой, наконец, сподобимся и заведём своего гадёныша? — Сид чуть приобнял жену и поцеловал её в щёку.

Та передёрнула плечами, высвободилась и презрительно посмотрела на сидящего с другой стороны стола Елайя.

— Я с этим так намаялась, что о своих думать не хочу.

Последовала пауза, а затем комнату сотряс издевательский громкий смех Елайя. Он знал, что за выходку ему влетит, но ничего не мог с собой поделаться. Он видел напряжённое лицо тёти, удивлённое дяди, и их недоумение смешило его ещё больше.

— Что ты ржёшь?! — Сид показал племяннику кулак.

— Посмотри на него! Вот благодарность за труд! — хмыкнула Ядла и зло добавила: — Можешь смехом подавиться: ни обеда, ни ужина тебе не видать! — Она покидала в таз грязное бельё и вышла.

Муж подумал и последовал за ней.

— Оно того стоило, — отсмеявшись Елай посмотрел супругам вслед: эти люди никогда не заведут детей, никогда не воспользуются накоплениями, никогда не смогут познать счастье. Эти понятия им чужды, и они невольно будут их отторгать.

Пора.

Елай понимал, что рядом с никчёмными людьми трудно выбиться в люди.

Он осмотрелся. Здесь не было ничего, что хотелось бы забрать. Этот факт позабавил. Более семи лет он провёл у Фуришей, но ничего не нашёл. Однако, за это время тётя с дядей нажились за его счёт: Елай вспомнил про содержание, которое ему полагалось и которое благополучно прикарманили родственники. Конечно, они его кормили и поили, но вряд ли выделяемая на пропитание сумма превышала выплаты. Одежду ему покупали лишь по необходимости. На мелкие расходы он зарабатывал себе сам.

Елай залез в подпол, убрал ящик с картошкой, открыл крышку тайника, взял деньги, не так много чтобы хватились, но достаточно для выживания и элементарных трат, и вернул всё на место. Деньги оставил в подполе, но спрятал в другое место.

Сутки Елай бродил по Блэкшеру. Он заглянул в те места, которые доставляли ему радость. В лавку Брода Уилли, где в детстве ему часто подсовывали сладкие булочки, в кабаке Торри Блостера, где укрывался от взбешённого дяди и где подрабатывал, чтобы не помереть с голода, в сад старика Куини, где ему позволяли отсыпаться в гамаке и рвать фрукты, прошёлся по набережной, постоял на мосту. Вечером Елай заглянул на кладбище и постоял возле могилы человека, благодаря которому выжил. Литисия Канти быстро заметила в городе неприкаянного и никому не нужного мальчишку и, так как жила одна, частенько прибегала к его помощи. Взамен женщина учила Елайя. Иногда, когда Сид напивался в стельку, оставляла у себя. Елай не вернулся к Фуришам, а зашёл в пустой дом Литисии и остался там на ночь.

Утром он вернулся за деньгами. Не успел Елай залезть под пол, в дом вошли родственники.

— Где этот гадёныш? — услышал Елай дядин голос.

— Зачем он тебе? — тётя прошла в кухню и открыла дверцы буфета.

— Его нет больше суток! Ты не находишь это странным? Бывало он пропадал, но... Чует моё сердце, что в этот раз мы его больше не увидим.

— Типун тебе на язык! — рявкнула Ядла. — Податься ему не куда. Жрать захочет, вернётся. Содержание назначено до семнадцати. Я не собираюсь терять ни копейки!

— Я слышал, на днях тут потасовка между бандитами была... — понизил голос Сид. — Говорят, нашего Елайюшку Шакал приметил.

— Шакал? Главарь что ли?

— Да, человек опасный. Дорогу ему лучше не переходить. Я с ним дел не имел, но слышал — в разборках он крут.

— И зачем ему племянник понадобился? — тётя вытащила тарелки и поставила на стол.

— Может, завербовать его хочет.

— Мальчишку? Не мели чепуху!

— Ты же сама говорила, что у парнишки взгляд звериный, а, как говориться, свояк свояка видит издалека.

Ядла задумалась.

— Что же это выходит? Он человека получит, а я на старости лет денег лишусь? — тётя с шумом захлопнула дверцы буфета. — И где этого Шакала искать?

— Спятила?! — охнул Сид. — Без денег, да живые. Пускай гадёныш катится ко всем чертям!

— Правду говорят, беду не ждут, она сама приходит. Зачем только ты этот чёртов стол купил? — ни с того, ни с чего спросила Ядла, ударив ногой по толстой резной ножке.

— Хоть какая-то обнова в доме. На него то я уж заработал, — хвастливо сказал Сид.

— А соседям что говорить? Что ты на него полвека копил? Вещь-то дорогая!

— Да хоть так! — взбеленился Сид. — Деньжата у нас есть!

— Только злым языкам знать о том не следует.

— Ладно, ладно, уймись. Подумаешь, стол купил. Разоралась она тут. Заработал я! Право имею!

— Упырь! всю кровь из меня высосал. Сколько нервов надо, чтобы тебя подальше от соблазнов держать.

— Давай переедем. Купим дом, обстановку в нём устроим, пару яблонь высадим и заживём себе припеваючи.

По дядиному голосу было ясно, что мечты влекут его в прекрасное будущее.

— Остолоп! — осекла его жена. — Там что ли злых языков не будет? И как ты там зарабатывать станешь? Связи-то все здесь.

— И то верно, — с грустью сказал Сид. — С мальчишкой-то что?

— К Шакалу пойду.

Сид только рукой махнул: что со спятившей бабой делать.

Сид и Ядла поели и ушли.

Елай вылез из-под пола и уже собрался уходить, но, увидев новый стол, возле которого третий день крутился дядя, достал нож, тот самый, что всегда носил с собой, и воткнул его по центру столешницы. Всё.

Он вышел.

Единственное место, с которым хотелось проститься, как это забавно ни звучало, был старый сарай. Елай отправился туда, сел на топчан и долго сидел не двигаясь, потом поднялся и неторопливо пошёл прочь.

Хоть на улице был белый день, там далеко за облаками, по-прежнему сияли и помигивали путнику далёкие холодные и тёплые звезды, правда он этого не видел.

По пути к Шакалу Елай чуть не столкнулся с тёткой. Он заметил её на пересечении улиц «Чёрной аллеи» и «Кривой» и благоразумно спрятался за угол дома (на счастье тётка отвернулась, так как заметила Шарги). Елаю стало интересно, куда так стремительно шагала Ядла, потому он решил подслушать диалог.

Во время разговора с подельником мужа женщина узнала, где найти так называемого Шакала. Елай целиком слышал их беседу и понял, что у них один путь. С того момента он работал тенью.

Тётка быстро отыскала большой кирпичный дом на северо-западной окраине. Строение с узкими окнами казалось нежилым: парадный вход заколочен досками, некоторые окна на втором этаже закрыты ставнями, на углу свалено несколько разбитых ящиков, ограда покосилась в двух местах, серые в подтёках стекла отражали хмурое сумрачное небо и качающиеся на ветру ветки рядом стоящих деревьев.

Упрямая по натуре Ядла сдаваться не хотела. Она недовольно хмыкнула и, раз уж пришла, решила обойти дом со всех сторон.

С левого торца тяжелая дубовая дверь в дом была открыта. На пороге показались два мужика. Один был плотно сбит и, несмотря на грозный вид, курнос, что придавало его внешности комичности. Второй худощав, но жилист. Длинные серо-седые волосы он собрал в тугий хвост. Первый осмотрелся по сторонам и закурил. Второй достал из внутреннего кармана куртки газету, развернул её, прочёл интересующий фрагмент и протянул приятелю. Некоторое время мужчины тихо что-то обсуждали, потом пошли в сторону центра.

Ядла здраво рассудила, что если она официально заявит о визите, ей могут под любым предлогом отказать, а если она войдёт по-тихому, то сможет случайно столкнуться с главарем или с племянником. Женщина улучила момент и проскользнула в дом.

Елай поглядывал за передвижениями тётки через окна.

Первые два помещения разочаровали гостью, так как не походили на хоромы главаря банды. У стен стояли и лежали нестроганные доски, то тут, то там громоздились накрытые тканью ящики, под окнами расположились две наспех сколоченные лавочки, отлетевшая от стен штукатурка россыпью лежала у плинтусов. Эти комнаты больше походили на склады нежели на контору или жилой дом.

Третья комната оказалась довольно просторной и добротно обставленной. Резная мебель, зеркала, картины — атрибуты богатых людей. От жадности и зависти у Ядлы загорелись глаза: сколько же нужно зарабатывать или красть, чтобы позволить себе подобную роскошь? Хоть комната и была обставлена, она казалась нежилой или скорее неживой. В ней не было дыхания хозяина, обиходных мелочей, которые наполняют пространство энергией. Женщина тряхнула головой и поспешила дальше.

Следующая небольшая квадратная комната оказалась абсолютно пустой: серые обшарпанные стены, деревянный пол, окна-дыры, — вот вся роскошь. Ядла озадаченно прищурилась. Что за странный дом! Что за чудной хозяин!

Пятая комната походила на лавку древностей. Здесь соседствовали предметы из разных миров: иконы и пейзажи, глиняные горшки и фарфоровые сервизы, изделия из бронзы и шелковые ткани, старинные книги в кожаных переплетах и украшения.

Но Ядлу поразило не то, что все эти богатства лежали в комнате, а то что их никто не прятал и не охранял. Как можно так небрежно относиться к столь дорогим вещам. Если бы она обладала подобными сокровищами, то никому не разрешила бы даже взглянуть на них.

В этот момент дверь открылась и на пороге показался высокий мужчина с добродушным лицом, усталым взглядом и большой родинкой на правой щеке.

— Я ищу Шакала, — опередила Ядла незнакомца, который уже открыл рот, чтобы задать очевидный вопрос, и первой обозначила цель визита.

Мужчина задумчиво почесал бровь и указал на проход в соседнее помещение. Ядла не раздумывая вошла туда.

— К вам посетитель! — коротко объявил Идис и словно по волшебству исчез за тяжелой, толстой, цветастой шторой.

Огромный зал, в которой очутилась Ядла, напоминал иллюстрацию к старинной восточной сказке — повсюду шторы и ткани, ковры и тюль, вышитые подушки и длинные низкие диваны — и только три предмета мебели выбивались из общей атмосферы. Старинные деревянные шкаф у стены, письменный стол по центру и кожаное кресло с высокой спинкой у окна.

В настоящий момент в кресле сидел представительный мужчина со шрамом на лице. Ядле показалось интересным его вытянутой лицо с глубоко посаженными серыми глазами и ухмыляющемся ртом.

Завидев на пороге незваную гостью, мужчина не проронил ни слова и даже позу не сменил. Незыблемое спокойствие хозяина нервировало и раздражало больше, чем крики, ругань и брань.

Ядла не знала, как много времени ей отведено, потому без предисловий перешла к делу.

— Говорят, ты моего племянника приметил? Верни мальчишку!

Шакала позабавила смелость грубой женщины.

— Я с мальчишками не вожусь, да и людьми не торгую. У меня парней в достатке, зачем мне юнец сопливый?

— Поклянётся, что мальчишки здесь нет?

Шакал весело рассмеялся.

— Может, обещешь меня? — с издёвкой спросил он и потряс полами пиджака.

— Надо будет, обещаю! — Ядла отдернула одну штору, другую, открыла шкаф, потом по-свойски осмотрелась.

Шакал не мешал ей, лишь усмехался. Неожиданно он выхватил нож и метнул его в сторону незваной гостьи. Нож просвистел мимо правого уха Ядлы и вонзился в дверцу шкафа. Женщина обернулась и, увидев клинок, расширила глаза, но не издала ни звука.

— Чуть-чуть промахнулся, — заметил Шакал. — Послушай, мать, я человек добрый, но и моему терпению предел есть. Ты в моём доме своих порядков не чини. Мне прибить тебя ничего не стоит, да мараться не охота. Так что, пока жива, иди-ка восвояси. Чужих людей нам не надо, а своих я не продаю. Уяснила?

Ядла стиснула зубы, высоко задрала подбородок и медленно, ноги била дрожь, пошла к выходу. На пороге она обернулась и испробовала последний шанс.

— Это же родная кровь?

— Кровь не водица, ей не напиться, — намекнул Шакал на расчётливость женщины. — Был бы он был тебе родным, у меня б не искала.

Ядла поняла, что ни уговорами, ни уж тем более угрозами, она Елайя не вернёт. Женщина ушла от Шакала ни с чем.

Как только она удалилась, из другой комнаты вышел Елай.

— Говорил, родственников у тебя нет.

— Батя, не морочь мне голову, ты же прекрасно понял, какой у неё ко мне интерес.

— И какой барыш она имеет?

— Мать за меня содержание назначила, вот она и суетится.

— А ты, я смотрю, мальчик дорогой! — усмехнулся Сэд.

— Сэд, там товар привезли. — Идис вошёл в комнату.

— Кстати, от какого имени это сокращение? — спросил Елай.

Услышав вопрос, Идис замер.

— Этот умник меня раздражает, — радостно заметил Сэд. — Не зря я тебя в толпе усмотрел. Говорят, моё имя имеет древнее происхождение и означает «властелин», «повелитель». Улавливаешь?

Елай отрицательно покачал головой.

— Пользу улавливаю. Если мой батя повелитель, я — наследник.

Сэд довольно хмыкнул. Разговор с мальчишкой его забавлял.

— Родители нарекли меня Седриком, но, как ты понимаешь, с ремеслом моим это имя не вяжется. Сэд звучит мощнее. А вот у тебя имя странное. Собачье. Елай Фуриш.

Услышав неверное сочетание, парнишка исказился в лице. Его глаза зло блеснули.

— Елай Лорса, — поправил он. — И тебе, батя, это имя лучше запомнить.

— Лорса?.. — удивлённо повторил Сэд. — Заслужишь, запомню, а пока Лай-Елай скажу так: в семейство псовых ты хорошо вступишься. Свободен.

Так Елай ступил на путь Шакала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.